

Библиотечное ДТЛО

www.bibliograf.ru

№ 03 (285) '17

Время и пространство
культуры

ЕВГЕНИЙ ВОДОЛАЗКИН
ПОСТИЖЕНИЕ СВОБОДЫ
НОВЫЙ ТИП ДУХОВНОГО ЛИДЕРА

2

ЖИЗНЬ И ВЕК ДМИТРИЯ ЛИХАЧЁВА
ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ
ИНТЕРВЬЮ С ВЛАДИСЛАВОМ ЗУБОКОМ

14

ЛАРИСА ЦИГВИНЦЕВА
ИМЯ И ДЕЛО ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЁНОГО
ХРАНИТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

18

ДМИТРИЙ ИВАШИНЦОВ
АЛЬМАНАХ «РУССКИЙ МИРЪ»
ОТ ЗАМЫСЛА ДО ВОПЛОЩЕНИЯ

20

ТАРАСКИНА, ЕЛЕНА ИСАЕВА
ПАССИОНАРИЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ
ЛЕВ ГУМИЛЁВ. ОН БЫЛ ДРУГИМ

25

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВА, МИРХАТ МУСИН
МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ
ИЗ ВИИПУРИ – В ВЫБОРГ

28

ЭРИК АДЛЕРКРЕЙЦ
НАСЛЕДИЕ НЕСКОЛЬКИХ КУЛЬТУР
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ

30

ЕЛЕНА ПЕККИ
ДОМ ДЕТСКОЙ РАДОСТИ
ЗДЕСЬ ФОРМИРУЕТСЯ ЧИТАТЕЛЬ БУДУЩЕГО

32

ИРИНА ФЕДОРЕНКО
С МИРУ – ПО КНИЖКЕ
ВЫБОРГСКИЕ РЕДКОСТИ

35

ИРИНА ТКАЧЕНКО, НАТАЛЬЯ ИГНАТЕНКО
ЧЕЛОВЕК, ВЛЮБЛЁННЫЙ В ПРОФЕССИЮ
ОБНОВЛЕНСКАЯ И ЕЁ ОБНОВЛЁННАЯ БИБЛИОТЕКА

38

МАРИНА КРАВЧЕНКО
ДОН –
ОСОБОЕ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
РАБОТА РОСТОВСКИХ БИБЛИОТЕК В ГОД РОССИЙСКОГО КИНО

40

Библиотечное ДѢЛО

03 (285) *2017

Издатель: Член РБА
ООО «Агентство Информ-Планета»
Главный редактор
Татьяна Филиппова
Директор
Мария Ковалёва
Выпускающий редактор
Мария Фармаковская
Литературный редактор
Яна Михневич
Дизайн и вёрстка
Андрей Филиппов
Представительство в Москве
Ответственный редактор
Слава Матлина

Подписка:
по КATALOGу Распечати
индекс **81774**,
по КATALOGу Почта России
индекс **63482**

Для писем: 191119, СПб., а/я 133

Тел./факс: (812) 575-5777, 764-1580

Тел.: (499) 163-4942.

E-mail: bibliograf@inbox.ru
matlina@mail.ru

www.bibliograf.ru

 bibliograf.ru

 @BibliografRu

 bibliograf_ru

 www.vipishi.ru — подпишись сейчас!
интернет-подписка
на газеты и журналы через МАП

Издание зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещанию и средствам массовой коммуникации ПИ №77-13082 от 15.07.2002
Учредитель: Татьяна Филиппова

ISSN № 1727-4893

Мнение редакции по тем или иным вопросам может не совпадать с мнениями авторов.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов.

Никакая часть данного издания не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без разрешения редакции.

Адрес редакции и издательства:
191040, СПб, Лиговский пр., д. 52, лит. «К», оф. 12.
Отпечатано в типографии: Политехника. СПб,
Измайловский пр. 20. Тираж 3500 экз.

На обложке: Институт русской литературы
(Пушкинский дом) РАН. Санкт-Петербург

© «Библиотечное Дело», 2017

Цена свободная

Подписано в печать 18.02.17

12+

Великий гражданин

*Совесть, Благородство и Достоинство —
Вот оно святое наше воинство.*

*Протяни ему свою ладонь,
За него не страшно и в огонь...*

Б. Окуджава

ЛИЧНОСТЬ Д. С. Лихачёва — одна из самых значительных в истории современной культуры. Судьба нашего выдающегося современника всеми корнями уходит в Петербург начала прошлого века — в среду, которую мы привычно называем Серебряным веком. И сам он, таким образом, стал связующим звеном века нынешнего и века минувшего.

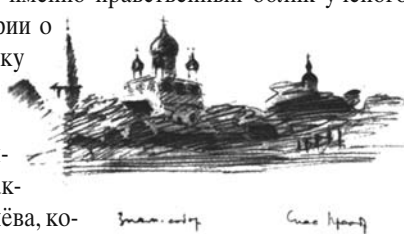
Будучи замечательным учёным-филологом и занимаясь проблемами, как будто бы далёкими от так называемой злобы дня, Дмитрий Сергеевич на завершающем этапе своей жизни — в конце 1980–90-х гг. становится фигурой воистину вселенского масштаба, публично отстаивая значимость культурных ценностей для современного человека. Его тихий голос, тем не менее звучащий на всю страну, был адресован властям разных уровней и одновременно музейщикам, библиотекарям, сотрудникам архивов — всем тем, кто нуждался в защите национального духовного наследия, и получал от учёного эту защиту. Право быть услышанным Дмитрий Сергеевич заработал всей своей величественной и одновременно трагической судьбой, высокий нравственным пример которой сегодня, возможно, востребован как никогда. Именно в этом контексте прошли Лихачёвские юбилейные мероприятия в Петербурге и в Москве, и именно нравственный облик учёного стал предметом первой научной монографии о нём, принадлежащей известному историку В. М. Зубоку. Его статью журнал представляет читателям этого номера.

Исследователь феномена русской интеллигенции, Владислав Мартинович делает акцент на тех сторонах мировоззрения Лихачёва, которые и сегодня находятся в центре внимания историков и философов. «Что есть патриотизм истинный и мнимый?», «Насколько тесно русская культура связана с европейскими ценностями?» и др. Выясняется, сколь глубоко Лихачёв — крупнейший специалист в области древнерусской культуры, изучал её связи с культурой западной, доказывая опасность однобокой ориентации на «самость», «квасной патриотизм».

О Лихачёве — человеке, прожившем жизнь в несвободном мире, но оставшимся свободным, вспоминает в своём очерке ученик Дмитрия Сергеевича — известный писатель Евгений Водолазкин. Ставшего знаменитым после выступлений по телевидению, Д. С. Лихачёва в последние годы его жизни даже далёкие от академических штудий люди воспринимали как духовного лидера — гуру, способного ответить на все вопросы и решить все насболевшие проблемы. Это был не пиар — сама личность академика, его внешний вид, речь, манеры старого русского интеллигента придавали людям уверенность в устойчивости этого мира.

Как хорошо, что в годовщину его недавнего 110-летнего юбилея мы особенно тепло и многосторонне вспоминаем Дмитрия Сергеевича. Нам его сегодня очень не хватает, но важно другое: в России есть, с кого брать пример верности высоким принципам, нравственному мужеству и человеческому достоинству.

Слава Матлина
ответственный редактор журнала «Библиотечное Дело»

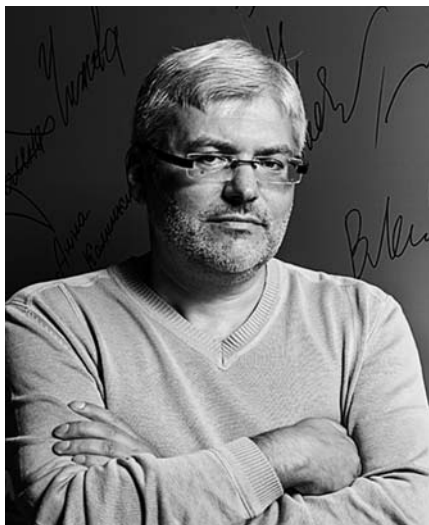

ЕВГЕНИЙ ВОДОЛАЗКИН

Постижение свободы Новый тип духовного лидера

Чтобы получить признание в России, нужно, как известно, жить долго. История жизни Дмитрия Сергеевича Лихачёва такую точку зрения во многом подтверждает. Несмотря на то, что ещё в семидесятые его называли первым литературоведом страны, всенародное признание пришло к нему лишь в эпоху перестройки. Тогда ему было уже под 80...

Евгений Германович Водолазкин, российский литературовед и писатель, доктор филологических наук, Санкт-Петербург

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ Лихачёв родился в 1906 г. в семье петербургского инженера. В ту пору профессия его отца ещё не заключала в себе удручающего (120 руб. в месяц) советского оттенка и никоим образом не являлась синонимом карьерной неудачи. Инженер Сергей Михайлович Лихачёв снимал вполне комфортабельную квартиру, абонировал ложу в Мариинском театре и увлекался фотографией. Память о жизни «до несчастья» (так академик называл октябрьский переворот 1917-го) была, возможно, одной из тех вещей, которые впоследствии не позволили Дмитрию Сергеевичу окончательно впасть в отчаяние. В отличие от тех, кто не застал «прежних времен», на протяжении всех лет своей советской жизни Лихачёв отлично помнил, что можно жить иначе. Эта память разомкнула крошечную социалистическую действительность и не позволила ему в ней раствориться. Уж не эта ли память дала ему силы пережить советскую власть?

По окончании университета (1928 год) Лихачёв попадает в Соловецкий концлагерь. Нам сейчас непросто понять, как можно получить срок за любовь к буквам (материалом для обвинения послужил написанный им доклад «О некоторых преимуществах старой русской орфографии»), но ведь это — было. Точно так же невозможно в полной мере представить, что мог чувствовать двадцатидвухлетний и вполне, в общем, домашний мальчик в этом аду. Коммунистическом аду, возникшем на обломках монашеского рая. Потерянный рай монахов не был одной лишь метафорой. В пору своего существования он имел

ощутимые райские атрибуты: на Соловках, у Полярного круга, в теплицах росли тропические фрукты. Теплицы обогревались горячей водой, использовавшейся в свечном производстве для отбеливания воска.

Странная соловецкая зона — в понимании скорее Андрея Тарковского, чем ОГПУ, — всегда балансировала между землёй и небом: всю свою историю, в том числе и в бытность монастырём, она была территорией крайностей. Столкновение советского и монашеского миров (оно до сих пор потрясает всякого, приехавшего на Соловки) отдавало фантазмагорией, но для Лихачёва именно оно стало реальностью. Я думаю, эта расслаивающаяся реальность его и сформировала.

На Соловках он впервые понял, что такое смерть. Она вплотную приблизилась к нему во время посещения его родителями. Лихачёв оказался в списке тех, кого лагерным властям разрешили расстрелять «для острастки». Будучи предупреждён, в тот вечер он не вернулся в барак. Прячась в дровах, всю ночь слышал выстрелы. А наутро, когда стало известно, что расстрелы кончились, он осознал, что остался жив.

По его признанию, именно тогда он стал другим человеком. Он перестал бояться, и это был выход в область свободы. Он благодарил Бога за каждый прожитый день, потому что понимал, что отныне каждый день — подарок. Лихачёв никогда не сравнивал себя с ожидавшим казни Достоевским, но это сравнение не может не приходить в голову. Тот же страшный опыт заглянувшего туда. Тот же разлом в сознании. Открывшаяся способность видеть нечто за горизонтом.

Освободившись из лагеря в 1932 г., Д. С. Лихачёв работал корректором. *«Время меня перепутало, — говорил он более полувека спустя. — Когда я мог что-то сделать, я сидел корректором,*

1911 год — мама Димы Лихачёва, он сам (справа), в центре его брат Миша)

а теперь, когда я быстро устаю, меня оно завалило работой». В 1938 г. он поступил на работу в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук, с которым была связана вся его дальнейшая судьба. Он проработал в нём более шестидесяти лет, и этот Дом стал его домом.

Сотрудником Пушкинского Дома Лихачёв пережил блокаду. Здесь, как на

1929 год, семья Лихачёвых, Дмитрий — в центре

Соловках, жизнь вновь распалась на полюса: *«В голод люди показали себя, обнажились, освободились от всяческой мишуры: одни оказались замечательные, беспримерные герои, другие — злодеи, мерзавцы, убийцы, людоеды. Середины не было. Всё было настоящее. Разверзлись небеса, и в небесах был виден Бог. Его ясно видели хорошие. Совершались чудеса».* Это строки из его книги «Воспоминания», без преувеличения — великой книги.

В послевоенное время стали выходить труды, принесшие ему мировую славу. Он занимался поэтикой древнерусской литературы, её жанрами, дал подробную характеристику её развития. Писал о Лескове, Достоевском, о семан-

Письма родителей в соловецкий лагерь к Дмитрию Сергеевичу

тике садово-парковых стилей — перечисление рискует затянуться... И ведь нельзя сказать, что в какой-то из названных сфер он был первым. Просто его прикосновение к большинству тем было поистине моцартовским — изящным и бесспорным одновременно. Его работы не содержат зауми, они написаны ясным, спокойным языком: глубокая мысль не нуждается в орнаменте. Ей достаточно и простой грамматической структуры. Работы Лихачёва сразу же становились классическими, потому что классика — это то, что очевидно, но о

Родители приехали на свидание к сыну в лагерь на Соловки

чём прежде (и теперь это так странно!) никто не писал.

Восхождение «звезды Лихачёва» принято связывать с его выступлением в останкинской телестудии в 1986 году. Это было не просто выступление известного учёного. В тот день страна открыла для себя духовного лидера. Если быть более точным — новый тип духовного лидера. В Средневековье эту роль выполняли святые, в XIX веке — писатели. В конце XX века она досталась учёному: в этом, очевидно, и состояло соответствие времени. Но даже предположив, что учёный (не святой, не писа-

тель) стал выбором рационалистической эпохи, не следует упускать из виду, что это был учёный, чьей специальностью святые и писатели по преимуществу и были.

Так сложилось, что именно в это время я пришёл в Пушкинский Дом — в возглавлявшийся Лихачёвым Отдел древнерусской литературы. «Звёздному» периоду его жизни мне посчастливилось быть свидетелем, что, как кажется, даёт повод, перейдя к *Ich-Erzählung*, поделиться некоторыми личными впечатлениями. В отношении Дмитрия Сергеевича я бы, пожалуй, не позволил себе пошловатого определения «звёзд-

ный», если бы первая моя с ним встреча и в самом деле не была связана со звездой. Точнее — с «малой планетой №2877», открытой астрономами и получившей имя Лихачёва.

Это обстоятельство легло в основу капутника, готовившегося Отделом древнерусской литературы к 80-летию Лихачёва (28 ноября 1986 года). Дэ Эса — так его называли в отделе — поздравляли от имени древнерусских персонажей, о которых он писал, и дарили ему телескоп для наблюдений за собственной звездой. Я играл тогда Василька Теребовльского (персонажа, замечу, не самого весёлого) и напоминал юбиляру, что «в многой мудрости много печали». Думаю, впрочем, что он догадывался об этом и без меня.

Удивительная атмосфера праздника, встретившая меня в отделе, так и не сменялась буднями. Говорю это не только в торжественном («служение любимому делу»), хотя и вполне почтенном смысле, но в самом прямом, житейском. Лихачёв любил праздники и умел их устраивать. Праздниками были дни его рождения, выездные чтения отдела в разных городах (они придумывались организаторами, чтобы заманить его) и его многочисленные награды и премии. Что касается премий, то они не только отмечались. Свою Госпремию Дэ Эс

разделил между молодыми учёными отдела. Так что мою Госпремию я уже получил — из рук Лихачёва.

Сейчас, когда его нет, время от времени поднимается вопрос о **мифологии**, окружающей его имя (после публикации книги «Дмитрий Лихачёв и его эпоха» в одном издании я был даже обвинен в **мифотворчестве**). Об **амплуа** «совести нации». О том, что его **назначили** «главным интеллигентом страны». К такого рода высказываниям я отношусь спокойно и касаюсь их здесь сознательно. На мой взгляд, они вовсе не так обидны, как предполагали их авторы, и затрагивают довольно важную тему: как человек становится легендой? Как это тот, кто состоит из плоти и крови, превращается в существо не то чтобы метафизическое, но как бы не совсем уже и здешнее? Опоздав как-то в редакцию одного журнала (в тот день я по делам заезжал к Лихачёву), я попы-

Д. С. и З. А. Лихачёвы с дочерью Людмилой Дмитриевной в день рождения Зинаиды Александровны. 23 мая 1999 года. На заднем плане Ксения Велецкая, врач, друг семьи

тался оправдаться тем, что Дмитрий Сергеевич попросил меня остаться на обед. «А разве он... ест?» — спросили меня в ответ. В этой шутке почти не было шуток. И разве не нам хотелось видеть его таким?

Проблема легендарного совсем не проста, и её решение лежит на стыке двух явлений: личных качеств «мифологизируемого», с одной стороны, и общественного ожидания — с другой. Эти явления взаимодействуют, поддерживая и развивая друг друга. Представление о том, что Моисей вывел свой народ из египетского плена, не противоречит предположению, что необходимость освобождения родила Моисея.

Разумеется, Лихачёв был прекрасно знаком с тем, что мы сейчас назвали бы его медийным образом, и избыточные краски в этом портрете порой откровенно его раздражали. Даря мне одну из

своих книг, он перечеркнул помещённый редакторами список его наград и званий и написал: «*Прошу не обращать внимания на эту безвкусицу*». Ему не нравилось чрезмерное подчёркивание его учительства («*Я не Рабиндранат Тагор!*» — сказал он однажды сердито). На одну из юбилейных статей, рассматривавшую его роль как учителя, он —

Семья Д. С. Лихачёва. Зинаида Александровна, Юрий Курбатов, дочь Вера, Дмитрий Сергеевич, внучка Вера и дочь Мила. 1977

случай, мягко говоря, нетривиальный — написал опровержение.

Мне кажется также, что порой его смешил и образ «тихого старца». Судя по некоторым его высказываниям («*Никогда не думал, что большую часть своей жизни проживу стариком*»), он так и не научился соотносить с самим собой слово «старость». А уж «тихим» он точно не был. Когда в давние времена в Пушкинский Дом не хотели принимать Руфину Петровну Дмитриеву, замечательную исследовательницу древнерусской литературы, он перевернул в дирекции мраморный столик. И её приняли, конечно: куда им было деваться? Разумеется, подобного рода меры не определяли поведения Лихачёва, но мы знали его и таким. И бесконечно любим.

Нам было прекрасно известно, что за тихими словами и скупыми жестами скрыты энергия и смелость. Отстаивая своих сотрудников в советское время, Лихачёв доходил до секретаря обкома Романова и его партайгеноссен — и побеждал. Именно он убедил городское начальство не строить гостиницу «Ленинград» высокой, чтобы не нарушать «небесную линию города». И именно его нам так не хватало, чтобы отвести нависшую (в прямом, к сожалению, смысле) над Петербургом угрозу строительства небоскреба «Охта-центр».

Хорошо помню его утром 19 августа 1991 года. Поднимаясь к нам в отдел, я

не встретил никого, кроме уполномоченного по гражданской обороне (все знали, что он совмещал это занятие с работой в других ведомствах), который кричал кому-то через лестничный пролёт, что невиновных-де не накажут. Настроение было отвратительным. В тот ранний час в отделе оказался только Дмитрий Сергеевич. «*Какие мерзавцы!*» — сказал он. Это короткое определение меня почему-то утешило. Позже — в академической форме — Лихачёв повторил это десяткам тысяч собравшихся на Дворцовой площади. Было академику 84 года.

Выше смелости я поставил бы, пожалуй, другое его качество: независимость. На первый взгляд, такое противопоставление неправомерно, потому что в какой-то части своего значения эти понятия совпадают. Но удивительным образом не все смелые люди бывают независимы, а в конечном счёте, значит, и достаточно смелы. Так происходит, когда человек чувствует себя заложником своей репутации. Точки зрения своего социума. Общественного мнения в целом. Лихачёв никогда не чувствовал себя заложником: он всегда был свободен.

Может быть, эта свобода и была для меня главным его уроком. Свобода в глубоком, если угодно — религиозном смысле слова. Свобода как дар Божий, как возможность постоянного выбора, не стесняемого ни партийными (он никогда не состоял ни в одной партии), ни корпоративными, ни какими-либо другими интересами. Пытаясь руководствоваться этим и в своей жизни, впоследствии я сформулировал это для себя так: избегать «течений» и «идеологий», выносить суждения лишь о конкретном поступке или высказывании. В таком дроблении бытия, в разделении фильма на кадры есть свой смысл. Ведь принимающий идеологию расписывается за «пакет», в котором наряду с полезным содержится, увы, и много неприемлемого.

Такое понимание свободы объясняет, как мне кажется, те «парадоксы Лихачёва», о которых говорилось неоднократно (в частности, по поводу его «Заметок о русском»). Объясняет, например, как «почвенничество соединялось в нём с западничеством». Очень просто соединялось, потому что не было ни того, ни другого. Была любовь к русской культу-

ре — и любовь к культуре западноевропейской (мало кто знает, что по образованию Лихачёв был, среди прочего, специалистом по английской литературе). При этом первая отрицала шовинизм, а вторая — низкопоклонство. Почему же им было не соединиться?

Находясь в добрых отношениях с М. С. Горбачёвым, Лихачёв тем не менее без колебаний отправил в Кремль телеграмму протеста против взятия Вильнюсского телецентра. Когда же этнократическая природа прибалтийских государств стала очевидной, Дмитрий Сергеевич нашёл для них весьма жёсткие слова, не входившие, замечу, в тогдашний «демократический» репертуар. При безусловно демократическом образе мыслей менее всего он был согласен на опереточную роль «отца русской демократии», которую ему подчас пыта-

Дмитрий Сергеевич Лихачёв на лестнице Пушкинского Дома. 1991. Фото Льва Шерстеникова

лись навязать. Исходя, очевидно, из такого понимания его **амплуа**, в начале Косовской войны к Лихачёву приехала одна из американских телекомпаний с просьбой рассказать, что он думает о преступлениях сербов. Это было за несколько месяцев до его смерти. Несгибаемый академик предложил поговорить о преступлениях американцев. Он не побоялся быть исключённым из рядов «прогрессивной общественности». Он жил так долго, что имел право трактовать прогресс по-своему.

Лихачёв прожил почти век. Не потому ли, что всю жизнь готовился к смерти? В молодости он ждал её на Соловках и в блокадном Ленинграде, ждал во время тяжелейших болезней. В старости ждал — потому что был стар... «Ожидание смерти было связано с тем, что я её не боялся», — сказал он за год до своего ухода. В его записной книжке находим: «Ранним утром 26 марта (четверг) 1998 года я услышал ясно:

«Скоро пойдём дальше!» Голос был громкий, как бы внутри меня. Я был в полусне. Я не сразу понял, что это значит, потом догадался».

За этим голосом он ушёл 30 сентября 1999 года. К тому времени, я думаю, нерешённых вопросов у него не осталось. Также из записной книжки: «*Какой смысл существования Жизни вообще — нам знать не дано. И я могу догадываться — почему, с нравственной точки зрения. Ибо если бы мы знали ответ на это “почему”, знали бы точно (а не только свободно верили в существование Бога), мы были бы лишены свободы. Знание не только достигается свободой, но и лишает на последних своих ступенях свободы человека. Поэтому Бог открывается только тем, у кого вера в него достигает уверенности знания, т. е. только святым».*

Добрый человек из Петербурга

Есть народные артисты и народные художники. Лихачёв — единственный известный мне народный академик. Не потому, что народ так уж хорошо знал его литературоведческие работы. Подозреваю, что в массе своей народ этих работ не знал. Просто он видел, что деятельность этого человека увеличивает пространство добра. Это то, что понятно всем — вне зависимости от образования и имущественного положения. Говорят, что рука, положенная на лоб, ощущается даже тем, кто находится без сознания. Она понятна ему как знак сочувствия. Со-страдания. Или благодарности.

Хорошо помню лоб его, покойного. В морге, куда, по просьбе дочери, нужно было приехать за Дмитрием Сергеевичем, ещё не было суеты официальных похорон. Можно было спокойно попрощаться. Я положил ему руку на лоб. Лоб был прохладным и слегка шершавым. Это ощущение я вспомнил впоследствии, когда гладил камни Соловецкого монастыря, места его четырёхлетнего заключения, — прохладные, но не холодные. Даже неживой своей сущностью источающие мощную энергию добра.

Помимо своих достижений в науке, Лихачёв был просто **добрым человеком**. Тем, кто способен помочь или — применительно к суровой нашей действительности — заступиться. Он заступался за

коллег перед всесильными «органами» и помогал вернуться в Ленинград ссыльным учёным. Пытаясь защитить Иосифа Бродского от обвинения в «тунеядстве», заказал ему перевод для Пушкинского Дома Джона Донна. Годы спустя они вспоминали об этом, когда Бродский разыскал Лихачёва в Венеции. Во время прогулки Бродский подарил ему шляпу гондольера. Никогда не видел Дмитрия Сергеевича в этой шляпе (в память о Бродском она всегда висела за его креслом), но думаю, что романтическое начало Лихачёва подарок отражал чрезвычайно точно.

В эпоху перемен его помощь приобрела едва ли не институциональный характер. В Пушкинском Доме не иссякала очередь приехавших к Лихачёву. Я думаю, человеку, с устройством русской жизни не знакомому, трудно было бы объяснить, почему к заведующему Отделом древнерусской литературы при-

Дмитрий Сергеевич Лихачёв в своём домашнем кабинете. 1991. Фото Льва Шерстеникова

ходили за поддержкой провинциальные библиотекари, директора институтов, известные политики, учителя, врачи, художники, сотрудники музеев, военные, бизнесмены и изобретатели. Иногда приходили сумасшедшие. Их он тоже внимательно выслушивал и, взяв под руку, медленно провожал по коридору. Лихачёв говорил им, что их идеи важны, но в нынешних условиях неосуществимы. Он предлагал им немного подождать, и его собеседники соглашались. Они были готовы ждать.

К Дмитрию Сергеевичу приходило множество людей с просьбой подписать письма в защиту тех или иных дел, лиц, изданий. Отказывал он редко и по причинам безусловно веским. Когда вопрос казался Лихачёву особенно важным, к напечатанному тексту он приписывал несколько строк от руки. Он знал, что на это отреагируют. Диапазон его за-

ступничества простирались до пределов города (защита петербургской «небесной линии» и сохранение традиционного облика Невского) и — шире — страны (противостояние «повороту рек»).

Для окружавших его он был чем-то вроде Деда Мороза. Образ включает как праздничность происходившего, так и существование по законам сказки. Память без напряжения предлагает десятки историй. Собираясь на свадьбу к аспирантам своего отдела (как это принято в Пушкинском Доме, их звали Татьяна и Евгений), Лихачёв поехал в «Пассаж» за подарком. Был конец 1989 года. Изделий сложнее мыла и спичек в ту пору уже не продавали, да и те добывались по талонам и в очередях. Дмитрий Сергеевич вошёл в «Пассаж» с мыслью купить кофейный сервис Ломоносовского фарфорового за-

давать своих аспирантов, но (характерное движение его длинных пальцев) обстоятельство этого очевидным образом не позволяют. Желание порадовать Татьяну и Евгения директор «Пассажа» нашёл вполне законным. По счастью, даже в 1989 году этот человек знал, где искать ломоносовский фарфор, и, не теряя времени, отправил за ним машину. Пока везли фарфор, он угощал своих гостей кофе. Татьяна и Евгений до сих пор хранят подаренный Лихачёвым сервис.

Д. С. Лихачёв с правнучкой Верой. 1991

В Лихачёве не было той художественной рассеянности, которая сопровождает учёных в литературе и кино. Он всегда был подтянут (даже дома ходил в галстук), без малейших намёков на «учёное» неряшество. Вероятно, таким и должен быть настоящий учёный. Неряшество внешнее во многих случаях отражает неряшество мысли.

И в науке, и в жизни он был человеком, способным, поставив цель, её добиться. Это качество Дмитрия Сергеевича я осознал в полной мере, когда после его смерти обратился к другой знаменитости с просьбой защитить человека, в отношении которого была допущена несправедливость. Я дал ему телефон, по которому следовало позвонить и попросить обратить на это дело внимание. Он связался со мной через несколько дней и сообщил, вздохнув, что не дозвонился. Во время нашего разговора мне подумалось, что Лихачёв всегда дозванивался.

После прощания в Таврическом дворце гроб привезли в Князь-Владимирский собор на Петроградской стороне. Всю ночь ученики умершего читали над ним Псалтырь. Моя очередь наступала в два часа. Пройдя мимо уже начинавших выстраиваться телекамер, я подошёл к милиционскому кордону. Милиционер проводил меня в храм и закрыл за мной дверь. В лязге закрываемой двери мне почудилось что-то литературное.

Свет в соборе был почему-то отключён. Мрак огромного пространства нарушали два маленьких светящихся круга. Один — от массивной свечи, стоявшей у гроба, другой — от восковой свечи в моих руках. Ею я должен был освещать текст Вечной книги. Прежде чем начать читать псалмы, я подошёл к Дмитрию Сергеевичу и долго на него смотрел. Он не имел облика спящего, как это порой бывает у покойников. У него был, скорее, вид человека, прикрывшего на минуту глаза. Готового (жест усталости) провести по ним ладонью.

Когда я заканчивал читать очередной псалом, мой голос ещё долго отдавался эхом из мрака — оттуда, где, казалось, нет уже даже пространства. У своего уха я слышал потрескивание свечи и выдыхал её медовый запах. С грохотом упала большая свеча у гроба. Вниз её потянул нарастающий за часы горения сталактит. Я отломил его, вновь зажёг свечу и осторожно поднёс к изголовью. От движения свечи на лице Дмитрия Сергеевича дрогнула тень, и иллюзия жизни достигла высшей точки. Намекая, возможно, на иллюзию смерти.

Эпоха Лихачёва

Долголетие — дар Божий. Оно даёт разным людям и в разных условиях. Оно имеет разные задачи. Дмитрию Сергеевичу Лихачёву было суждено родиться в столице крупнейшей империи мира и прожить в ней без малого 93 года. Случились две революции, прошли две мировых и десятки малых войн, а столица перестала быть столицей. За это время был создан и распался СССР. Этот удивительный корабль пошёл ко дну так же стремительно, как и возник на поверхности — со всеми его сталеварами и концлагерями, хоккейной командой ЦСКА и пограничником Карацупой — даже не наткнувшись на айсберг. Всё это было **эпохой Лихачёва**. Размышляя о долголетии Дмитрия Сергеевича, Фазиль Искандер выдвинул однажды простое и разумное объяснение: Лихачёв поставил себе задачей пережить советскую власть. Развивая это предположение, можно было бы, вслед за Дмитрием Сергеевичем, добавить, что настоящий исследователь привлекает максимально широкий материал.

Д. С. Лихачёв с внучками Верой и Зиной. Комарово. 1971

вода. Этот фарфор он очень ценил, и, надо думать, не зря. О цели своего посещения Лихачёв рассказал в отделе посуды. Даже на фоне товарного голода в стране этот отдел поражал зияющей пустотой своих витрин. Продавщица молча переводила взгляд с Лихачёва на его шофёра. Появление знаменитого академика в отделе посуды её потрясло. Ещё больше её потряс вопрос о ломоносовском фарфоре. Помещение, пустое ещё минуту назад, мгновенно наполнилось народом. Появился директор «Пассажа» и пригласил Дмитрия Сергеевича с шофёром в свой кабинет. Лихачёв рассказал ему, что хотел было пора-

В материале недостатка не было. Даже сквозь страницы малоинтересных наших учебников проступает чудовищность событий минувшего столетия, усугублённая какой-то зияющей их бессмысленностью. Этот исторический материал явился для Лихачёва материалом собственной жизни, и *этого* нельзя было бросить в корзину. В течение его жизни чеховские усадьбы и умение пользоваться столовыми приборами сменились нечеховскими очередями в коммунальный туалет, переключками в соловецких бараках и мумификацией вождей (ловлю себя на странной мысли: уж не азиатская ли затея с мавзолеем сделала неприятие Лихачёвым евразийства столь категорическим?). Но этим дело не кончилось. Замкнулся цикл, и удивительным образом возникли новые усадьбы, новые предприниматели, новые дворяне. А он, единственный, в отличие от них, настоящий, без малейшего раздражения наблюдал, как одно время вдохновенно симулирует другое. Особенно ценил сходство в деталях. Когда в начале девяностых люмпенизированный Петербург увлёкся семечками, он счёл это **явлением**, усматривая прямую аналогию с годами революции. Долголетие — дар Божий. Это двойной дар, когда он даётся одному из самых глубоких умов эпохи.

Он был своего рода Ноем русской культуры. Со страниц его книг, как из некоего ковчега, сходили святители, преподобные, благоверные князья и праведные жены. Его работы погружали читателя в совершенно иные времена и обстоятельства — так непохожие на советскую действительность. Используя революционную метафорику, можно было бы сказать, что за пресловутым парохомом современности шёл его спасительный ковчег. Ведь именно он сделал культуру Древней Руси достоянием не только научного, но и общественного сознания. Его эпоха несводима к девяности трём прожитым им годам. Эпоха Лихачёва — это и Древняя Русь, о которой он знал не меньше, чем о своём собственном времени. Он и писал о ней как о чём-то личном.

Необычность его положения в обществе основывалась на том, что он был человеком вне парадигм и иерархий. Это позволяло ему не делать особых различий между общением со своими

сотрудниками и высшими лицами государства («и истину царям с улыбкой говорил» — за этой строкой я всегда видел улыбку Дмитрия Сергеевича). Он сам создал свою должность — быть Лихачёвым — и более ни в каких должностях не нуждался: его имя открывало любую дверь.

Эта его особая роль — быть человеком вне ряда (внеаходимость, как сказал бы Бахтин) — появилась вовсе не с общественным его признанием. Наоборот, вероятно, само признание явилось её следствием. Это было сознательной позицией, проявившейся ещё на Соловках, а может — и того раньше. Находясь в нечеловеческих условиях лагеря, он был способен бросить на эту жизнь сторонний взгляд. Так, им были написаны статьи о воровском жаргоне и о картёжных играх уголовников. Любые обстоятельства он умел сделать материалом для исследования, а ведь исследование само по себе — это уже внеаходимость. Он был способен улыбнуться сочетанию в речи конвоиров матерщины с французским (конвоиры были некогда царскими офицерами). Смех — тоже внеаходимость. Можно предположить, что любовь Лихачёва к «весёлой» (использовавшееся им выражение) науке, начавшаяся с Космической Академии наук, была формой внеаходимости по отношению к самой науке и в конечном итоге — признанием ограниченности рационального типа познания. Останься Лихачёв в границах науки, он бы не был тем Лихачёвым, о котором мы сейчас говорим.

Может быть, как раз пребывание в лагере убедило его в необходимости держать с окружающим миром дистанцию, и, обретя свободу, — в той, разумеется, степени, в какой это слово вообще сочеталось с советской действительностью, — он сделал всё, чтобы находиться вне этой действительности. Были ли его занятия древнерусской литературой формой внутренней эмиграции? Объективно — да, и хотя вряд ли только это обстоятельство определило предмет его исследования, именно оно обеспечило определённую легальность пребывания «вне». Лихачёв никогда не стремился к открытому диссидентству, у которого при несомненных его заслугах была одна беда: позиция открытого противостояния системе делала противоре-

жавшего частью самой системы, пусть и с обратным знаком. Лихачёв выбрал иной путь: он был не **против** системы, он был **вне** её.

Эта позиция не имела ничего общего ни с равнодушием, ни с высококолым презрением к современности, ни тем более со страхом. Когда выбирать приходилось между лаконичными «да» и «нет» (замечу, что на самом деле вопросы в подобной форме перед нами ставятся редко), он не испытывал колебаний. В своё время Н. С. Лесков делал различие между подвижничеством и героизмом, считая последний чем-то однократным, а порой и случайным. Выше

Дмитрий Сергеевич Лихачёв. 1987.
Фото В. Генде-Роте

он ставил подвижничество, требовавшее постоянного напряжения нравственных сил. Я думаю, по природе своей Дмитрий Сергеевич был подвижником, но жизнь была настолько скверной, что требовала ещё и героизма. Здесь можно вспомнить его отказ подписать организованное Академией наук письмо против А. Д. Сахарова, после чего Лихачёв был жестоко избит в парадном своём доме. Можно вспомнить и то, что в первый же день путча 1991 года он выступил с резким осуждением путчистов. А ведь его возраст и состояние здоровья предоставляли широкое поле для маневра, и случись ему тогда не выступить против, это в конечном счёте было бы оправдано общественностью.

Его смелость не была отсутствием страха по незнанию. Как раз наобо-

рот: его столько раз в жизни пытались напугать, что научили видеть границы этого чувства и преодолевать их. То, что он всегда открывал входную дверь сам, не спрашивая даже, кто за ней стоит, казалось мне чем-то средним между открытостью судьбе и её испытанием. На мои неоднократные призывы поставить хотя бы дверной глазок он как-то ответил, что это бессмысленно и что если на него решат напасть, то перед глазком поставят безобидного вида старушку.

Его смелость никогда не была патетична. Относительно антисахаровского письма кто-то из сотрудников спросил его впоследствии, правда ли, что это письмо было им разорвано. Он ответил, что такие вещи делались по телефону (с «предложением» ему позвонил тогда академик М. Б. Храпченко). «А кроме того, — добавил он смеясь, — это не мой стиль».

Стиль — это то, без чего феномена Лихачёва не понять, то, что для советской власти, возможно, и было самым обидным. Несмотря на свою толстокожесть, в вопросах стиля эта власть была весьма чувствительна. Как иначе объяснить изощрённое преследование Ахматовой, Цветаевой, Бродского и многих других, кто менее всего был склонен заниматься свержением советской власти? Вряд ли эта власть смогла бы сформулировать свои эстетические претензии — и не потому только, что интеллектуализм не был её сильной стороной. В конечном счёте, эти претензии располагались не в сфере эстетики, да и вне пределов рационального вообще. Это было рефлексом, звериным чутьём на несходство. Так по шороху кустов волк безошибочно определяет оленя. Советская власть слушала даже не столько то, **что** сказано, сколько то, **как** это сделано (рискну предположить, что, зарифмуй С. В. Михалков дядистёпным стихом набоковскую «Политу», она прошла бы не хуже всех его гимнов). Не только то, о чём говорил и писал Дмитрий Сергеевич, — сама его манера произносить, тембр голоса и жесты намекали на какую-то другую, очень несоветскую действительность. Инстинкт самосохранения толкнул власть на негласный запрет снимать Лихачёва. Через некоторое время запрет пал. Предчувствия власти её не обманули: выступления Лихачёва стали её ежедневным свержением.

Стилевое влияние Лихачёва не ограничилось советским временем. Не менее, а может, и более сильным было оно, как ни странно, в последующие годы, когда с мелким криминальным элементом — создавая иллюзию государства физкультурников и военных — на наши улицы пришла мода на спортивные костюмы и камуфляжные формы (криминалитет покрупнее на улицах не появлялся, предаваясь тихому дележу полезных ископаемых). Радикальные перемены в обществе резко изменили стереотипы поведения. Всё, что среда народная выплеснула на поверхность с донной мутью — первые жутковатые

ласточки российской олигархии, малокультурные депутаты, косноязычные теле- и радиоведущие, — всё это явилось не просто само по себе. Оно пришло со своей манерой держаться, со своей лексикой и — что хуже всего — с собственными представлениями о прекрасном. Их фильмы в одночасье смели с экрана Иннокентия Смоктуновского и Олега Басилашвили, до бесконечности тиражируя один и тот же уголовно-процессуальный типаж.

Не думаю, что впадаю в преувеличение, полагая, что во многом благодаря публичным выступлениям Дмитрия Сергеевича эта волна не захлестнула нас с головой. Своим появлением на экране он с очевидностью доказывал, что использование придаточных предложений способно украсить речь и что тихий голос гораздо эффективнее крика. Бу-

дучи на виду, он привлёк внимание к академической среде и интеллигенции в целом, сохранявшей, несмотря на нищету, прежний образ жизни — с посещением Филармонии, обсуждением новых книг и использованием салфетки за обедом.

Говоря о стиле, нельзя не упомянуть и о внешности Дмитрия Сергеевича. Красивый в молодости, он остался красивым и в дальнейшем. «В дальнейшем» — это чтобы не употреблять слово «старость», которое совершенно не определяет последние десятилетия его жизни. Он очень не хотел быть стариком — не в смысле возраста (возраст для него был равен опыту), а в смысле состояния. Он избегал атрибутов старости и в институт предпочитал ходить без палочки, без особого труда поднимаясь на наш высокий третий этаж. Кстати, у него была даже небольшая коллекция тростей — тростей, не палочек! — но это был вопрос стиля, а не старости: по замечанию одного нашего западного коллеги, всё в Дмитрии Сергеевиче было *gentlemanlike*. Наш коллега и не подозревал, насколько точно он попадал в цель своим определением. В архиве Лихачёва хранится его эссе об английских манерах — если не ошибаюсь, неопубликованное. Лихачёв был не просто образцом интеллигентности — он был ещё и джентльменом в самом английском смысле этого слова.

Закалённый лагерем, блокадой, советской действительностью, он по инерции преодолел и старость. Самое удивительное, что даже в этом случае ему удалось оказаться «вне». Он не принимал её всерьёз, не признавал её власти и посмеивался над ней — точь-в-точь как когда-то над соловецкими конвоирами. Уже девяностолетним, подписывая книгу для подарка к юбилею одного славы, он спросил, сколько юбиляру лет. Узнав, что восемьдесят, подмигнул и сказал: «Фу, какой старьёй!» По воспоминаниям домашних, отказывался надевать шляпу, говоря, что «в Париже шляпы носят только очень старые люди».

Был и ещё один способ преодоления старости: не давать себе послаблений. Наряду с молодыми сотрудниками он посещал **все**, даже самые малозначительные, научные заседания, присутствовал во **все** присутственные дни. При всех многочисленных его обязанностях

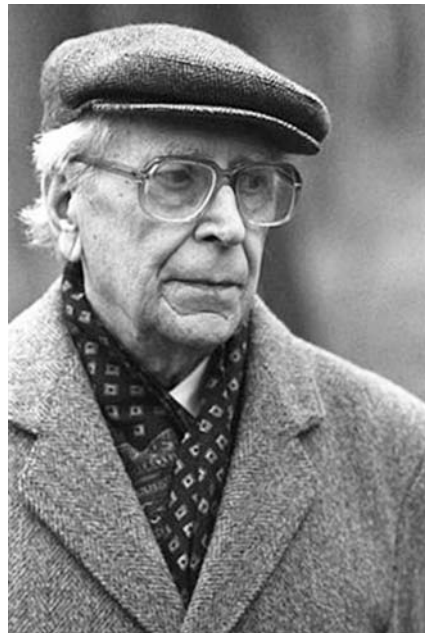

это могло казаться то ли излишним педантизмом, то ли родом аскезы. Наконец, это можно было бы расценить как сопротивление чему-то неизбежному, но только ведь он не просто посещал и не просто присутствовал. Его научные выступления были, пожалуй, самым ярким, что осталось в памяти из тех времён. То, что он говорил, не было ни величавой оценкой мэтра, ни взглядом с высоты птичьего полета. Это были выступления профессионала — с указанием фактов, дат и библиографии.

Перед научными заседаниями были замечательные его рассказы за чаем. Традиционный секторский чай в среду считался нашим фэйф-о-клоком, несмотря на то, что начинался он обычно около часа дня. Лихачёв рассказывал о своих поездках и тех удивительных встречах, от одного перечня которых захватывало дух. Многие знаменитости до сих пор существуют в моём сознании в оболочке его характеристик. Эти зарисовки сопровождалась скупыми, но точными жестами. У него были красивые длинные пальцы, на мизинце — перстень. Гуляющая по Летнему саду Ахматова и пришедший к нему в гости Солженицын, общение с Ельциным и поездка в Англию по приглашению принца Уэльского — всё это напоминало сказочный калейдоскоп, неторопливо вращаемый его аристократическими руками. Отблески его стекол до сих пор лежат на наших рабочих столах.

К своей огромной славе он относился спокойно. Не то чтобы он её не замечал (такого рода кокетство ему было чуждо) — скорее, он нёс её с чрезвычайным достоинством. Когда отмечалось его 90-летие, в переполненном зале Петербургского научного центра одно за другим следовали приветственные выступления. Звучавшие в них похвалы были справедливыми, и произносились они от души, но в какой-то момент за Лихачёва стало страшно: как он справится с этим потоком славословий? Что, собственно, на всё это можно ответить? Выяснилось, что за Дмитрия Сергеевича бояться не стоило. Улыбнувшись, он сказал в ответ всего две фразы: *«Я благодарен за все добрые слова, сказанные здесь обо мне. Слушать их мне, пожалуй, было бы неловко, если бы не одно обстоятельство: я так стар, что они меня уже не испортият»*.

Они его не испортили. Они испортили тех, кому эта слава не давала покоя. Уже после смерти Дмитрия Сергеевича журналист А. высказался в том духе, что Лихачёв был **назначен** главным интеллигентом страны. Учёный Б. написал, что вокруг Лихачёва начала складываться **мифология**. Не думаю, что есть смысл спорить с теми, кто не чувствует разницы между причиной и следствием, необходимым и случайным. Задам лишь два вопроса. Почему главным интеллигентом не назначили А.? Почему мифология не сложилась вокруг Б.? Ответ, в сущности, ясен.

Телевидение показывало Лихачёва чуть ли не ежедневно, редкие газеты не цитировали его высказываний, и даже уличные художники, доказывая свою профессиональную состоятельность, в ряду портретов кинозвёзд и политиков помещали грустное лицо Дмитрия Сергеевича. Как ни странно, это почти не изменило его жизни. Речь здесь идёт не о жизненных принципах: в том, что они остались прежними, нет ничего удивительного. Почти не изменился ни привычный его уклад, ни круг общения. Соответственно своему положению в обществе ему приходилось играть роль светского лица, но это касалось преимущественно официальных мероприятий. Светских дружб, основанных на знаменитости дружащих, он избегал. В отличие от большинства знаменитостей, внимательно следящих за общественным статусом тех, кто к ним «допущен», Ли-

хачёв остался верен своей академической среде.

Его взаимоотношения с окружающими — предмет особого разговора. Некоторые говорят о его беспредельной «благостности», другие — о том, что он мог быть очень даже «грозным». Оценивая все эти высказывания, стоит в первую очередь иметь в виду, что он был человеком огромного темперамента. Темперамент зачастую ошибочно связывается с громким голосом и энергичными жестами, а ведь это не так. Самый сильный темперамент — внутренний. Сильный темперамент — это когда человек, основав монастырь и добившись его процветания, «вдруг» уходит прочь и в лесной глуши основывает другой монастырь. Здесь могут быть и голос, и жесты, но всё это только пена над чем-то kloкочущим в глубине. Нередко монастыри основывались молчаливцами. Издавая фундаментальные труды по древнерусской литературе, Лихачёв написал книгу о садах, занимался Достоевским, Лесковым, был депутатом, возглавлял Фонд культуры и т. д. — при этом всякий раз он начинал сначала. Человек такого темперамента мог быть **разным**. Несмотря на внешнюю сдержанность Лихачёва, для людей, его окружавших, этот темперамент был очевиден и в повседневной жизни: как доброе его отношение сквозило во всех его словах и действиях, так и если уж он не любил — то не любил пламенно.

Одним из проявлений этого темперамента было его особое чувство ответственности. Подобно запавшей клавише фортепиано, слово «ответственность» перестало сегодня звучать, его глухой стук не передаёт той необъятной энергии, которой это слово наполнял Лихачёв. Если определять ответственность как расширение человеком пределов своего «я», то логично предположить, что всякая ответственность начинается прежде всего с ясного, почти пронзительного осознания собственного «я». Иными словами, всерьёз понятая ответственность как рождается из личного начала, так и присуща может быть только Личности. Пространство же, охватываемое этим «я», зависит от масштаба человека.

Семья — Пушкинский Дом — Город — Страна — Мир. Так, несколько упрощая, можно было бы обозначить

сферы ответственности Лихачёва. Это следование выстроено как бы по возрастающей, хотя на деле все эти сферы существовали для него одновременно. Они дополняли и оттеняли друг друга, а порой и сливались.

Всё начиналось с Дома. Круг семьи был для Лихачёва главным кругом не только в том смысле, в каком для каждого важна его семья. Здесь можно говорить о чём-то большем. Разумеется, люди его поколения к семье вообще относились по-особому. В годы репрессий семья оставалась едва ли не единственной сферой, где общение было безопасно. Возможно, что отношение к семье бывшего соловецкого узника формировалось и этим. Но внешняя причина — как бы она ни была важна — никогда не станет решающей без особого внутреннего строя, без какой-то особой изначальной склонности. Только этим можно объяснить то, что большая часть его **личного** общения была связана с домашними, что именно в семье находились его самые близкие друзья. Следствием этого внимания было, как мне кажется, то, что все его домашние — люди очень талантливые, жившие своей отдельной жизнью и имевшие собственные семьи, — оставались в первую очередь **его** детьми, внуками, правнуками.

Он и любовь к нему наполняли собой всё существование живших с ним. Эти слова, так часто говорившиеся о его домашних, сейчас мне почти страшно писать. События последних лет наполнили их трагизмом. Воспоминания дочери Дмитрия Сергеевича — Людмилы Дмитриевны открываются строками: «Я всегда думала, что не переживу папину смерть, — и вот уже второй год, как его нет, а я всё ещё не только живу, но продолжаю ходить в Русский музей, что-то в нём делать, даже читать какие-то доклады, как и предыдущие сорок лет моей работы там. Может быть, меня поддерживает в этом мама, которая, слава Богу, жива, хотя после папиной смерти очень изменилась»¹. Зинаида Александровна умерла в апреле 2001 года. Три с половиной месяца спустя умерла Людмила Дмитриевна.

Семейное отношение было им перенесено на Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома (по первоначальному наименованию его до сих пор называют Сектором). Нередко выска-

зывавшееся мнение о том, что долгие годы Сектор был единой семьей, можно было понимать в самом непосредственном фамильном смысле, без приторного идиллического привкуса. В нём, как в любой семье, бывали свои радости и неприятности, и это была **его** семья. Роль его как своего рода *pater familiae* выражалась хотя бы в том, что в Секторе давно уже не было ни одного сотрудника, которого бы он не пригласил на работу лично. Сейчас мне как-то странно осознавать, что почти четырнадцать лет он был моим **начальником**. Ни слово «начальник», ни используемое в акаде-

мическом просторечии «шеф» к нему никогда не применялись.

Одному из наших сотрудников Лихачёв однажды сказал: «Вы не понимаете, что живёте на острове». Это был действительно остров, куда можно было причалить и работать, не обращая внимания на бушующие стихии. Все обитатели этого острова до сих пор готовы ответить за любую строчку, написанную ими и двадцать, и более лет тому назад. На гражданской панихиде кто-то из просвещённого начальства назвал Лихачёва главой Лаборатории древнерусской литературы. Несмотря на негуманитарный оттенок слова «лаборатория», такое обозначение можно и принять. В определённом смысле речь действительно могла идти о лаборатории по восстановлению в общественном сознании литературы Древней Руси. Из забвения на свет Божий выходили сотни неопубликованных текстов XI–XVII веков. Венцом этого грандиозного замысла Лихачёва явилась двадцатитомная

Библиотека литературы Древней Руси, последние тома которой выходят сейчас из печати.

Сектор был не только научным сообществом. В нём протекала радостная и по-своему беззаботная жизнь с выездными заседаниями в других городах, с поздравлениями, капустниками, застольями. Дмитрий Сергеевич вообще очень любил пиры и обдумывал в их организации каждую деталь. В годы бессмысленной антиалкогольной кампании он настоял на проведении банкета в честь своего 80-летия в интуристовском ресторане, где спиртное не было под запретом. Дело, разумеется, было не в спиртном (к нему он был вообще равнодушен), а в чувстве собственного достоинства. Если при его жизни мы могли питать иллюзии относительно нашей собственной роли в исключительной атмосфере, царившей как в Секторе, так и вокруг него, после ухода Дэ Эса всё стало ясно.

Он создавал атмосферу храма, и сами собой обозначались вещи, которые в храме делать неприлично. Их и не делали. Это же можно отнести и к нескончаемому потоку посетителей Лихачёва, состоявшему из людей весьма и весьма разных. Можно было наблюдать, как они подтягивались в его присутствии. Порой складывалось впечатление, что в его кабинете они открывали в себе неведомые им самим запасы благородства или несвойственные прежде лексические пласты. То, как они пытались говорить с ним **его** языком, было подобно первым послеоперационным шагам — трогательно и обнадеживающе.

Дмитрий Сергеевич Лихачёв был младше Пушкинского Дома всего на год. На его памяти писалось последнее стихотворение Блока, посвящённое нашему Дому, хотя сам Лихачёв — сейчас трудно поверить, что было и такое время, — в нём тогда ещё не работал. Впрочем, и Блок кланялся не нынешнему пушкинодомскому зданию: «с белой площади Сената» он видел колонны здания Академии наук. Для учёных, входивших в Пушкинский Дом двадцать, тридцать, а то и сорок лет назад, Д. С. Лихачёв давно уже являлся легендой. После Пушкина он стал, пожалуй, главным символом этого Дома.

Все мы располагались в общем с ним петербургском пространстве, но толь-

ко, в отличие от нашего, **его** пространство обладало невероятной глубиной времени. Всякий дом в городе мог кивнуть ему, как давний знакомец, потому что у них был свой особый тет-а-тет, длившийся многие десятилетия. Так, проезжая мимо Филармонии, он мог неожиданно вспомнить, что в этом доме происходило судилище над митрополитом Вениамином: под окнами стояли сотни людей, певших «Спаси, Господи, люди Твоя». Глядя на мраморную колонну пушкинодомского конференц-зала, он видел призрак каждого, кто, растаптываемый «проработчиками», опирался на неё, не в силах стоять на ногах. Из окна его кабинета было видно университетское общежитие на Мытнинской набережной (ныне не существующее). Он помнил, как медленно и по особому трагично горел этот дом во время блокады. Медленно — несколько дней — он горел потому, что бомба разорвалась на крыше, и огонь шёл сверху вниз.

Он знал Петербург как мало кто другой и относился к нему с той особой заботливой любовью, которую народная речь облекает в ёмкое слово «жалеть». Жизнь Лихачёва разворачивалась на фоне постепенного, но всё более очевидного заката великого города, целенаправленно уничтожавшегося репрессиями, блокадой, а в постсоветские годы — уродливой политико-экономической ситуацией, когда финансовые ресурсы огромной страны сосредоточились в коррумпированной столице. Всё, что происходило с городом последние восемьдесят лет, удручало его не в смысле традиционного противостояния москвичей/петербуржцев — подобные споры не соответствовали его масштабу и им никогда не поддерживались. Это было сожаление другого рода. Лихачёв считал характерным и полезным для Руси — России наличие двух столиц: одной — внутренней (Киев, Москва), и другой — пограничной, обращённой к Европе (Новгород, Петербург). Так поддерживался некий геополитический баланс. Характерно, что потеря «пограничными» столицами своего значения происходила на фоне движения к тоталитаризму. В научной сфере — и Лихачёв был тому свидетелем — это движение выразилось в принудительном переводе руководства Академии наук в

Москву. Возвращение Академии туда, где она возникла, было бы не просто исправлением исторической несправедливости: такой шаг был бы в высшей степени полезен для научной жизни России.

Заботившийся о достойном положении Петербурга, Дмитрий Сергеевич менее всего представлял его в виде московского благополучия. Он понимал, что у «города трагической красоты» свой путь, не связанный ни с развитием промышленного производства, ни с монументальным творчеством З. Церетели. Размах этого города проявляется в ином измерении и не имеет ничего общего с величиной или громкостью. «Ти-

хий» Бродский никогда не выступал на стадионах, но из поэтов того (да и не только того) поколения его голос сейчас слышнее других.

Наличие великолепных музеев и библиотек обеспечивало городу определённый иммунитет по отношению к тому, что в разное время происходило в стране. Само их присутствие в городе, их удивительное энергетическое поле позволяли всякий раз восстанавливать то, что было потеряно или отобрано. Особая предназначённость Петербурга виделась Лихачёву на разных уровнях — от его уникальной ауры до того очевидного факта, что культурный потенциал города является, по сути, его «промышленностью». Вероятно, именно такое восприятие города сблизило Лихачёва с А. А. Собчаком, чьё мышление было масштабно и непровинциально. Работа на благо Петербурга являлась одной из важнейших сфер деятельности Дмитрия Сергеевича.

Следует отметить, что его взгляд на Петербург не был вполне традиционным. *«Не просто близость и схожесть с Европой, как это часто трактуют, а именно концентрация особенностей русской культуры. Эта концентрация сделала Петербург одним из самых русских среди русских городов. Он самый русский среди русских и самый европейский среди европейских городов!»*² К этому можно, наверное, добавить, что русскость Петербурга состоит, среди прочего, и в том максимализме, с которым этот город утверждал свой европейский облик.

Вообще говоря, слово «Европа» было для Лихачёва одним из самых важных — в том числе и в науке. При всём том, что к знаменитой идее Предвозрождения на Руси он пришёл исходя из анализа русского материала, трудно не предположить, что фоном для нее было стремление найти общий знаменатель для разных ветвей европейской культуры. Иными словами, Русь в этом построении мерилась западноевропейскими мерками, что можно толковать как косвенное признание их универсальности.

Понятие «европейский» имело для него прежде всего культурологический — и ни в коем случае не географический смысл, что позволяло ему распространять это определение далеко за рамки собственно Европы. Более того, создаётся впечатление, что «европейскость» в значительной степени являлась у него этической категорией. Так, выделяя характерные черты европейской культуры, Лихачёв называл три основных её компонента, которые возводил к христианству как основе европейской культуры. Первый из них — личностный характер. Этот компонент выводился им из ярко выраженного персонализма христианства. Второй — восприимчивость к другим культурам. Он связывался с универсализмом как одним из важнейших принципов христианства. Комментируя, в частности, упоминание Достоевским русской «всечеловечности» на Пушкинских торжествах, Лихачёв отмечал, что на самом деле это качество является определяющим для всей европейской культуры в целом. Наконец, третьим важнейшим компонентом европейской культуры Лихачёв считал свободу самовыражения. Эти компоненты создавали, по его мысли, »

неразделимую триаду, в которой существование любого из них невозможно без существования двух других.

Разумеется, история европейской культуры знает немало топких мест, способных лишить подобную теорию твёрдого грунта. Словно предчувствуя возражения против предлагаемого им построения как в значительной степени идеального, Дмитрий Сергеевич выделял в европейской культуре обширную сферу не-европейского. К ней им относились философы большевизма и национал-социализма, применительно к более позднему времени — отношение к русским в постсоветской Прибалтике. Неевропейской

Геополитика и политика не входили вроде бы в сферу его профессиональных интересов, но без упоминания его внимания и к этой области портрет Лихачёва был бы неполным. Он понимал, что политика — это то, что впоследствии превращается в историю, а история, уж конечно, была по его части. В его постоянной готовности озвучить свою гражданскую позицию мне также видится определённая европейская, может быть, даже западноевропейская традиция. Мне запомнилось последнее замечание, адресованное им Кремлю: *«Следует иметь в виду, что после распада Союза Россия стала гораздо более*

переменчивой моды на слово «патриотизм».

Его любовь никогда не была созерцательной, ее ближайшим синонимом было неоднократно уже здесь употребленное слово «ответственность». Его доброта не была благодушием (пусть такое состояние души и достойно в высшей степени), она была **благодетельностью**, потому что непременно оказывалась связанной с действием. Вопреки расхожему представлению об учёных, Лихачёв был человеком волевым и вполне практическим. Была ли это лагерная закалка или длительный опыт советской жизни, но он умел достигать поставленной цели. Он хлопотал о квартирах для сотрудников, устраивал их в больницы и — что было совсем небезопасно — ограждал от преследований.

Это была особая, сейчас, возможно, не всем уже понятная, благодетельность советского времени, являвшаяся, скорее, родом заступничества. Для себя, насколько мне известно, он ничего не просил. Человека его возраста, опыта и убеждений трудно было как-либо облагодетельствовать — так же, собственно говоря, как и чего-то лишить. Это почти диогеновское его качество, раздражавшее прежнюю власть, было оценено властью новой. Какое-то время Дмитрий Сергеевич был председателем Фонда культуры, но, ввиду определённого разочарования, постигшего его на этом посту, проекты, сочетавшие слова «чиновник» и «деньги», стали восприниматься им не без скепсиса. И при жизни Лихачёва, и после его смерти таинственная энергия его имени привлекала многочисленных предприимчивых людей, способных конвертировать метафизическое в материальное.

Стёртая метафора «жизненный путь» хороша тем, что передаёт некую устремлённость пережитого, не делает его механической суммой событий. Мне кажется, что, будучи христианином, Дмитрий Сергеевич рассматривал свой путь как движение вертикальное, как дорогу к небесной родине. Может быть, поэтому для него так важны были оценка и осмысление этого пути, предпринятые в «Воспоминаниях», одной из самых важных его книг.

Из того многого, что случилось от него услышать, он записал, как кажется,

он считал войну против Сербии, страшную разрушением не только балканского государства, но и самой идеи международного и личного права — идеи, которая вызвала такое сочувствие ещё у европейцев римлян. В одном из писем ко мне (я был тогда в командировке в Мюнхене) Лихачёв сокрушался о разрушенных бомбардировками средневековых сербских церквях — европейских церквях. *«Меня лично больше всего поражает полное игнорирование американцами святынь Косова поля»*, — писал Дмитрий Сергеевич. Он не дожил до Иракской войны, но я полагаю, что и такого рода экспорт демократии он охарактеризовал бы как поведение неевропейское.

северной страной». Очень естественно, что такая фраза прозвучала именно из Петербурга.

Может быть, как раз петербургское гражданство Лихачёва обусловило особенности его чувства к Родине. Это было чувство жителя русского европейского — а значит, и мирового — города. Если угодно, это был патриотизм космополита — космополита в высшем, христианском понимании этого слова — любовь к своему как к части общего, любовь через утверждение себя, а не через унижение других. Его любовь к России и русской культуре была глубокой и естественной, не зависевшей ни от временного ему состояния страны, ни от

незначительную часть. Его «Воспоминания» посвящены, за небольшими исключениями, событиям первой половины века. Почти ничего не написано им ни о его «звёздном» периоде, ни о многочисленных встречах со знаменитостями. Вероятно, чувствуя ограниченность своего времени, он спешил сказать о главном. Он спешил записать также то, чему свидетелей уже почти не осталось, и, я думаю, мало кто подходил для свидетельства об уходящей эпохе больше, чем он.

Не все живущие в то или иное время являются его свидетелями. Так, к свидетелям не относятся прежде всего те, кто по отношению к своему времени не сумел соблюсти дистанцию. А он сумел. Тон его книги не столько обличающий, сколько свидетельский. Это спокойный тон человека, способного видеть не только окружающее, но и нечто за горизонтом. Написанные от первого лица, «Воспоминания» в большой мере созданы «за» других: за полузабытых ныне филологов, философов, поэтов. Он извлекал из небытия тех, для кого его память оставалась единственным шансом. В определённом смысле эта книга написана за всех «невеликих» его современников, безгласно вставших в родную почву.

Он свидетельствовал не только о людях. В сферу его свидетельской ответственности входили цвета, запахи, звуки, на фоне которых все эти годы творилась история. Они не просто обрамляли историю, они были самым непосредственным и реальным её планом, который по странности и становится первой жертвой забвения. За скрупулёзными описаниями «Воспоминаний» открывается иное измерение, где свидетельство об обычных, казалось бы, людях и вещах обретает свой самый глубокий и радостный смысл: «Бог сохраняет всё».

Однажды я спросил у него, не собирается ли он писать продолжение «Воспоминаний». Он ответил, что хотел бы, но... (здесь следовал неопределённый жест, выражавший, возможно, огромную его занятость, а возможно — и неуверенность в том, что отпущенное ему время окажется достаточным). Результатом этого разговора явился план книги воспоминаний-интервью, в которой он отвечал бы на вопросы человека другого поколения: эта разность поколений

создавала бы некое поле, в котором прошедшее обретало бы дополнительные оттенки. План этот подкупал и своей временной обозримостью: предполагалось использовать диктофон. Принимая вопросы и диктофон (его предоставил Фонограммархив Пушкинского Дома), Дмитрий Сергеевич деловито уточнил особенности звукозаписывающего устройства, и я подумал, что создание книги — вопрос полугода.

Из этого ничего не получилось. Я уже не помню сейчас, с какими словами примерно через месяц он вернул диктофон, но дело, в общем, и не в этих словах. Только спустя время я подумал, на-

сколько странно было бы представить его диктующим на магнитную плёнку. Допускаю, что он мог бы рассказать так о чём-то постороннем, но не о собственной жизни. Он был человеком **письменного** текста и всерьёз доверял только бумаге. Это особое письменное начало проявлялось во всем — от его знаменитых книг до сугубо частных записных книжек и записок домашним. Подобная преданность письменному тексту была характерна, кажется, только для Набокова, даже интервьюерам отвечавшего исключительно пером. В конце жизни Дмитрий Сергеевич имел компьютер, но не пользовался им, предпочитая свою старую машинку «Ундервуд», а ещё чаще — авторучку. Большая часть из того, что хранится в его огромном архиве, им **написана**.

Из желания рассказать о чём-то, что осталось за кадром «Воспоминаний», после смерти Лихачёва родилась идея издать воспоминания о нём. Дерзкая мысль — не является ли плюсквамперфект его мемуаров своего рода пригла-

шением к продолжению? — посещала, вероятно, многих. Но ещё в большей мере идея книги воспоминаний о нём была вызвана естественным стремлением к справедливости. Тот, кто свидетельствовал о стольких людях (ведь «Воспоминания» менее всего посвящены ему самому), вправе иметь и своих свидетелей. Разумеется, эти свидетельства ограничены: так, никто и никогда уже не напишет о детстве Лихачёва (ещё при жизни у него почти не осталось ровесников), а тех, кто помнит его с довоенного времени, можно пересчитать по пальцам одной руки. Существовала, однако, возможность описать более позднее время. Это и было в конце концов сделано без малого восемью десятками авторов³.

Книга делалась с любовью. Может быть, поэтому всем, кто принимал участие в её создании, хотелось избежать излишней «лепоты» и стерильности, характерных для многих изданий **in memoriam**. Книга получилась живой. Менее всего она виделась тяжеловесным памятником, а если уж памятником — то тёплым и доступным, которого, как шемакинского Петра, можно коснуться рукой. Ведь по большому счёту изданная книга — не об умершем человеке и не об ушедшей эпохе. Следуя русской традиции помещать всё лучшее в будущем, можно сказать, что книга — о человеке, опередившем своё время. Это позволяет надеяться, что его эпоха ещё впереди.

С автором можно связаться:
odrl@mail.ru

Примечания:

¹ См.: Дмитрий Лихачёв и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / Сост. Е. Г. Водолазкин. 2-е изд. СПб., Logos, 2006. — С. 23.

² Лихачёв Д. С. Раздумья о России. — СПб., Logos, 1999. — С. 552.

³ Дмитрий Лихачёв и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / Сост. Е. Г. Водолазкин. 2-е изд. — СПб., Logos, 2006.

О жизненном и творческом пути Дмитрия Сергеевича Лихачёва.

Дмитрий Лихачёв, русская культура, Пушкинский Дом, интеллигентность

This article is about the life and creative way of Dmitry Sergeyevich Likhachev.

Dmitry Likhachev, Russian Culture, Pushkin House, intelligence

Жизнь и век Дмитрия Лихачёва

Формирование культурной традиции

Интервью с историком, профессором Лондонской школы экономики Владиславом Зубоком, автором книги «Дмитрий Лихачёв. Жизнь и Век». — Вита Нова. СПб., 2016 г.

Владислав Мартинович, как получилось, что Вы — историк, изучающий международные отношения и советскую историю, решились написать биографию Дмитрия Сергеевича Лихачёва, специалиста в области древнерусской литературы?

— Идея написать книгу о Дмитрии Сергеевиче возникла у меня в 2008 году: когда фонд «Русский мир» объявил конкурс грантов на проекты, в том числе книжные, о русской культуре. Дело в том, что у меня тесные отношения с «Фондом Д. С. Лихачёва»: там работает многие годы моя жена, один из организаторов замечательного проекта «Культурные стажировки в Санкт-Петербурге». Меня уже тогда удивило, почему не написано ни одной биографии о Д. С. Лихачёве — человеку, для которого сохранение и изучение русской культуры было главным делом жизни.

Разумеется, я читал книги, написанные Д. С. Лихачёвым. Студентом я посещал (недолго) семинар Б. А. Рыбакова в МГУ и с увлечением разбирал «Повесть временных лет» и другие летописные тексты. Но моим выбором ещё в юности была новейшая история. Действительно, я не изучаю вопросы, которые всю жизнь волновали Дмитрия Сергеевича: история древнерусской литературы, люди Древней Руси, русский национальный характер, охрана памятников и др.

Но мне показалось важным и убедительным одно соображение. Моя последняя книга, изданная Гарвардским университетом, посвящена советской интеллигенции («Последняя российская интеллигенция», 2009 г.). И меня всегда интересовали вопросы формирования интеллектуальной и культурной традиции. Главные герои гарвардского издания — московские интеллигенты, молодость которых пришлось на войну и послевоенное время, так называемые «дети Оттепели». Я назвал их «дети Живаго», поскольку для меня они были продолжением традиции доктора Юрия Живаго — одноименного героя романа Б. Л. Пастернака.

Но вот о судьбах петербургской интеллигенции мне было известно крайне мало. А тут предоставлялась такая замечательная возможность: Жизнь Д. С. Лихачёва охватывала несколько исторических эпох и всю судьбу петербургской культуры от Серебряного века до безвременья и разрухи 1990-х годов. «Не боги горшки обжигают», подумал я, подал заявление на грант «Русского мира» и получил его. Так началась работа, и в конце концов была написана эта книга-биография. Большую помощь оказал мне редакторский коллектив «Вита Нова». Хочу особо поблагодарить Алексея Леонидовича Дмитренко за подготовку прекрасного издания.

Насколько сложно было писать эту книгу и с какими трудностями в ходе своей работы Вы столкнулись?

— Первую сложность вызвало то обстоятельство, что я не специалист в вопросах, о которых писал Д. С. Лихачёв. Поэтому было решено подробный ана-

лиз творческого наследия учёного оставить профессионалам, сосредоточившись на исторических и культурных событиях и явлениях, которые сформировали Дмитрия Сергеевича как выдающегося русского интеллигента и общественного деятеля. Убеждён, что нам, живущим в традициях высокой русской культуры, важно понять, что сделало Лихачёва Лихачёвым. Тем «властителем дум» и культурно-нравственным образцом, которому следовало не одно поколение русскоязычной интеллигенции в СССР и в России.

Вторая сложность возникла с источниками. Публикации о Лихачёве, его собственные труды, воспоминания о нём — безусловно, их было целое море. Но оказалось, что не так просто найти материалы личного характера, написанные не для читателя, а для себя. Большую часть жизни Лихачёв прожил в государстве, где было опасно даже между близкими людьми откровенно выражать свои мысли вслух, тем более на бумаге. Известен факт, когда уже после войны Дмитрий Сергеевич сделал выговор своей матери, Вере Семёновне, за то, что она за дружеским столом «наговорила лишнего». «Я не хочу опять сесть!» — таковы были его слова.

По этой причине Лихачёв не вёл личный дневник после того, как вернулся с Соловков. Его воспоминания, в основном, касаются людей, с которыми его свела судьба, и мало говорят о собственных переживаниях. К тому же, воспоминания доходят до начала 1950-х годов, а вся последующая жизнь (за исключением эпизода о втором посещении Соловков) не освещается. Его гигантский личный архив, отданный в ИРЛИ, не разо-

бран и, как нам откровенно сказали сотрудники, не будет описан ещё долгие годы. В порядке исключения при содействии Отдела древнерусской литературы, удалось познакомиться лишь с ничтожной (хотя и очень интересной) частью этого архива.

И всё же книга написана на внушительной источниковедческой базе. Главным источником, разумеется, стали публикации самого Дмитрия Сергеевича: его книги, публицистика, и многочисленные интервью, которые он давал в период наступившей гласности — в 1988–1999 годы. Очень помог с материалами фонд Д. С. Лихачёва, прежде всего его руководители А. В. Кобак и О. Л. Лейкинд. Бесценную помощь советами и материалами оказала автору внучка Лихачёва — В. С. Тольц-Зилитинкевич. Вера Сергеевна сама является видным историком, занимается историей национализма в России и СССР. Она предоставила мне неопубликованные записи своего деда, ответила на бесчисленные вопросы о семье, особенностях быта. Есть детали, которые невозможно узнать ни в каких архивах...

И всё-таки главной трудностью стала необходимость ответить на поставленный в биографической книге вопрос. В чем причина необычайного авторитета Д. С. Лихачёва в России? Что сделало этого человека одним из властителей дум в последние десятилетия XX века? Учёный стал последним «историком и филологом земли русской», превратился в фигуру общенационального значения.

Его младшие современники Андрей Сахаров и Александр Солженицын приобрели мировую известность как диссиденты, боровшиеся с советской властью. Лихачёв на эту роль не подходил: он не был диссидентом в том смысле, в каком это понималось и понимается на Западе. Известный миллионотом соотечественников, Д. С. Лихачёв остался неизвестным и непонятым для иностранцев. Наряду с религиозными мыслителями, писателями, и историками конца XIX–первой половины XX в., такими как Василий Розанов, Владимир Соловьёв, Василий Ключевский и Михаил Пришвин, Лихачёв был «русским явлением», важным и необходимым прежде всего для жителей России.

Какие черты, составляющие образ Д. С. Лихачёва, Вам удалось передать в

Вашей книге? Что может узнать о них читатель?

— Пересказывать основное содержание биографии большого человека — бессмысленное занятие. Упомяну о некоторых вещах, связанных с «мифами» о Лихачёве. В интернете можно прочесть, что он якобы был старообрядцем. Некоторые считали и считают его антисемитом, русским националистом, сделавшим карьеру при Сталине. Другие полагают, что он был диссидентом, и его дочь Вера погибла в 1981 г. от рук КГБ.

Приходилось сталкиваться и с научным снобизмом в отношении Дмитрия Сергеевича — есть филологи и литературоведы, которые не считают его «настоящим учёным», а скорее «популяризатором», или своего рода защитником интеллигенции от неверных, этатским «миллет-баши». Наконец, встречаются и прямые наветы, например, утверждающие, что он не мог быть «честным и неподкупным», а на самом деле был завербован ОГПУ-НКВД. Я не ставил в книге задачу опровергнуть эти мифы и наветы. Было важнее показать читателю без прикрас и умолчаний жизненный и научный путь Лихачёва. На мой взгляд, этот путь убедительно опровергает все домыслы и рассказы.

Советский штамп «он был сложным и противоречивым человеком» — это не о Дмитрии Сергеевиче. Напротив, он был цельной и непротиворечивой личностью. Если он и «делал себя» под кого-то, то под лучших представителей петербургской интеллигенции Серебряного века — культурного времени, которое Лихачёв считал самым важным в тысячелетней эволюции российской культуры. Мне, историку XX века, было полезно и интересно изучить жизнь Дмитрия Сергеевича прежде всего как

подвиг в старинном смысле этого слова — как человек из скромной семьи инженера-электрика сделал себя русским интеллигентом, обрёл замечательных учителей, сохранил себя и своё достоинство на протяжении всех семи десятилетий советской власти. Более того, даже стал общенациональным публичным интеллектуалом, способным влиять на эту власть.

Какие качества Лихачёва как человека, учёного, публичного интеллектуала, помогли ему стать тем Лихачёвым, которому поверила в 1980-е и 1990-е годы вся страна?

— Во-первых, это его подход к русской культуре и российской истории. Дмитрия Сергеевича с юности привлекали общезначимые мировоззренческие вопросы. История и философия, человек и культура, искусство и литература были для него, в сущности, аспектами главного — смысла человеческого существования. Отсюда его необычайно «панорамное, эпохальное видение» и «ровное дыхание» лихачёвских мыслей и писаний. На молодого Лихачёва оказали громадное влияние идеи «русской историософии», эсхатологического осмысления бытия, которое возникло у мыслящих людей в России в 1920-е годы после революции, и пробудилось вновь в годы Великой Отечественной войны.

Воспоминания Лихачёва о Соловках и Блокаде надо осмыслять в одном ряду с дневниками Михаила Михайловича Пришвина и Владимира Ивановича Вернадского, Аркадия Георгиевича Манькова и Георгия Алексеевича Князева. Также следует назвать мемуаристику и работы, представляющие зарубежную русику — Георгия Федотова, Георгия Флоровского, Владимира Вейдле, Александра Шмемана, Ивана Мейендорфа и других. Это были очень разные люди по возрасту и взглядам, но их объединяло ощущение связи времён, катастрофической эпохи, и ответственности людей культуры за будущее страны.

Лихачёв чтит своих учителей и называл себя в ученики интеллектуалам, которыми восхищался. Среди первых был Леонид Владимирович Георг и Сергей Алексеевич Алексеев-Аскольдов, сын философа Козлова. Среди вторых, которых было больше, были его старшие современники — Виктор Максимович Жирмунский, Александр Алек-

сандрович Мейер, и Алексей Александрович Шахматов.

Лихачёв-историк культуры сформировался в советское время, но в сознательной и твёрдой оппозиции советскому детерминизму, узкому материализму, двоемыслию, безразличию к личности, попранию национальных и христианских принципов и основ культуры. В Дмитрие Сергеевиче замечен сплав личного христианства и философского осмысления времени, заимствованного из философии Анри Бергсона и Николая Лосского, философии европейского гуманистического интуитивизма. Лихачёв был глубоко христианской личностью, и с 1926 г. причислял себя к «катакомбной церкви», православном течении вне иерархии русской православной церкви. Это продолжилось и после того, как РПЦ была восстановлена Сталиным в 1943 году. Его личная мораль основывалась на принципе — «Мы отвечаем за всё, и за наши настоящие поступки, и за прошлое нашей культуры — и даже за её будущее».

Что можно сказать об отношении Дмитрия Сергеевича к науке, научному знанию?

— Лихачёв в молодости состоял членом потешной «Космической академии», которая провозгласила принцип «весёлой науки» — в оппозиции скучной, монологичной советской науке. Всю жизнь он боролся за полифонию научного творчества, отстаивал право на существование различных подходов, в том числе тех, которые не разделял, формализма и структурализма. Дмитрий Сергеевич воспринимал науку исключительно серьёзно, как одну из основ человеческой культуры наряду с религией, философией, литературой и искусством. Отрицая «прогресс» как смысл истории, видел смысл исторического бытия через раскрытие Абсолюта в человеке и через человека. Для него как историка литературы и культуры, не было и не могло быть «чистой науки» — с её особым жаргоном, уходом в математику и статистическую схоластику.

Особо стоит сказать об анти-детерминизме Лихачёва. Его собственный жизненный опыт убедил его, что в основе всего лежит Божий Промысел и Случай. Многократно он должен был погибнуть, но был спасён. В своих раз-

мышлениях о российской истории Лихачёв отвергал детерминизм российского московского деспотизма, и не считал Киевскую Русь, а также Новгородскую и Псковскую демократии маргинальным явлением для русской культуры и истории. В его глазах сталинская деспотия была очередным историческим несчастьем, таким же, как татаро-монгольское нашествие. На этот раз это было наваждение личного произвола, пришедшего на смену революционному хаосу и террору. Он не верил, что сталинщина была детерминирована особенностями русского национального характера или какими-либо особенностями русской культуры. В той же степени приход к власти М. С. Горбачёва и внезапно-мирный конец советской государственности воспринимался им, как многими русскими эмигрантами, как «Чудо Преображения».

Научная карьера Д. С. Лихачёва началась в годы Великой Отечественной войны и продолжилась в позднесталинские годы: тогда была «вновь разрешена» русская и российская история, точнее её преподавание — но в урезанном, уродливом виде, по лекалам сталинского шовинистического и империалистического проекта. Это не могло не отразиться на некоторых трудах Лихачёва, прошедших сито цензуры. Но даже в них содержатся те смыслы, которых не было и не могло быть у «советских ученых». Он видел благо в человеке, и в русской истории прежде всего искал общечеловеческое начало, направленность на добро. На всех его трудах лежал отчётливый отпечаток его христианско-философского мировоззрения.

Можно ли говорить о Лихачёве как о «русском интеллигенте»? Этот вопрос вызывает интерес потому, что у ряда представителей последующих поколений частое употребление лексемы «русский» по-своему ассоциируется с этническим национализмом?

— В книге я много пишу о замечательном качестве Д. С. Лихачёва — его патриотизме в отношении русской культуры и основах этого патриотизма. Патриотизм Лихачёва восходит корнями к великорусскому национализму, характерному для очень многих образованных людей в России до революции. Это был патриотизм не этнический, а куль-

турно-имперский. На молодого Лихачёва оказали влияние принципы «родиноведения» и «малых родин», которые тогда распространялись в русской интеллигенции, в подражание романтическому немецкому национализму.

Послереволюционный опыт не уничтожил эту основу патриотизма, но существенно преобразовал его. Во-первых, обострилось желание сохранить «образ умирающей России-матери» — культуры, восходящей к древности и гибнущей под железным молотом большевистского террора в отношении традиционных сословий русского общества: аристократии и дворянства, духовенства, интеллигенции, крестьянства. Это глубокое чувство сострадания гибнущей России повлияло на выбор молодым Лихачёвым профессионального пути — он «ушёл в древнюю Русь».

Во-вторых, Лихачёв сознательно отверг элементы великодержавного национализма. В немалой степени это произошло под влиянием христианского персонализма, его становления как интеллектуала в религиозно-философских кружках Петрограда-Ленинграда 1920-х годов. Но «помогло» ему также то, что сталинская диктатура использовала полный набор русского имперского шовинизма — в том числе антисемитизм и борьбу с «космополитизмом» — для собственных целей. Лихачёв соприкасался с интеллектуальной средой, где антисемитизм был реакцией на большевизм и советскую власть. И он успешно преодолел этот чёрный соблазн. Нельзя сказать, что роль евреев в российской истории и культуре его не интересовала. Но солженицынская жёсткая формула «200 лет вместе» была не из его интеллектуального репертуара.

В основе патриотизма Лихачёва лежала не российская государственность, не этнос, а русский язык и культура — которую он понимал опять же не как оборонительный этнополитический периметр, а поле для диалога и взаимодействия разных людей и разных времён. В его концепции русская культура была, безусловно, культурой имперской, созданной всеми народами, которые эту империю населяли. Лихачёв опасался этнонационального «чёрного передела» культуры и боролся с ним «по-партизански» в 1970-е годы и открыто после развала СССР.

Как Лихачёв относился к модным ныне течениям, таким как «евразийство»? И какое место в его мировоззрении и подходе к истории культуры занимала Европа и европейская культура?

— Лихачёв всегда был против попыток рассматривать «Русь» или «Россию» как закрытую, особую цивилизацию. И он был непримирим к «евразийству» с её абсолютизацией биологического начала, с его географическим и этническим мифотворчеством. Вся история русской культуры для Лихачёва — это история общего творчества народов и история внешних влияний — Скандинавских, южнославянских, прежде всего европейских. Европейская античность и двухтысячелетняя история христианской Европы занимали особое место в лихачёвской «экологии культуры». В 1991 г. Дмитрий Сергеевич говорил о единственности европейской культуры, *«от которой мы все зависим»*. Достоевский, вспоминал Дмитрий Сергеевич о знаменитой речи писателя на открытии памятника Пушкину в Москве в 1881 году, *«ошибся, что всечеловечество исключительно русская черта, она европейская»*. Лихачёв подвёл черту: *«Насильственная смерть русской культуры необратима, — сказал он, — нужно строить новую, открытую европейскую культуру. Это будет задачей для молодёжи, и я этим живу»*.

По мнению академика, старая Россия погибла вместе со старой культурой — этой *«музыкой во льду»* (по Б. Л. Пастернаку), уничтоженной репрессиями, войнами, советским псевдокультурным кичем, и рыночной попой. Возрождение новой России, считал он, возможно лишь через создание новой культуры — построенной на европейских гуманистических, ренессансных основаниях: личностном характере культуры, её универсализме, и её свободе.

Он говорил в 1991 г. в Италии: *«Стоит отнять универсализм и признавать только свою, национальную культуру, как гибнет свобода, и наоборот. Эту страшную опасность показали национал-социализм, фашизм и сталинизм. Основа личности — свобода самовыражения. Только свобода представляет человеку личное достоинство...»* Высшее предназначение европейской культуры, по Лихачёву, означает *«сохранить в своих недрах, в своей*

науке и в своём эмоциональном понимании все культуры человечества — как ныне существующие, так и ранее существовавшие».

Поражает, насколько мировоззрение и работы Лихачёва соединяли и примиряли русское славянофильство и русское западничество. Он был славянофилом, когда речь шла о любви к русскому народу и его истории, о том, чтобы русская культура звучала громко в мировой культурной симфонии. И он был западником, когда речь шла о Петербурге, модернизме, о борьбе с ксенофобией и религиозным обскурантизмом, о европейских основаниях русской культуры. На протяжении своей жизни Лихачёв эволюционировал от романтического великорусского национализма к идее культурного полифонизма, общечеловеческой культуры — где русскому языку и культуре отведено навсегда важное и почётное место.

Известный писатель и публицист Дмитрий Быков когда-то заявил, что Дмитрий Лихачёв не может считаться образцом для интеллигенции, поскольку он не был диссидентом. Что можно сказать на этот счёт? Может ли быть Лихачёв нравственно-гражданским примером для нас? Или его жизнь можно считать цепью случайностей, удачным примером выживания на фоне бесконечных трагедий XX века?

— В переписке со своим старым товарищем по кадетской партии Иваном Петрункевичем Владимир Вернадский в конце 1920-х гг. защищал руководство Академии Наук, которое пошло на сотрудничество с советской властью. Он вспомнил рассказ французского ориенталиста Абель-Ремюза о китайском мандарине, который согласился стать советником при монгольских завоевателях в XII веке. Этот «советник Чингис-Хана» был предателем в глазах других образованных китайцев, но спас китайскую культуру от полного уничтожения, и тем самым сохранил возможность для возрождения Китая.

Дмитрий Лихачёв, видимо, знал об этой истории. Во всяком случае он последовал по пути «советника Чингис-Хана». Вопрос о сохранении и спасении российского культурного наследия для него был неоспоримо важнее, чем личная неприязнь к советской власти. Он знал, как разговаривать с советскими

начальниками на понятном им языке. Он знал, как добиваться своего — не теряя морального авторитета и не роняя достоинства.

Именно эти черты Лихачёва не были поняты его младшими интеллектуальными современниками, прежде всего «шестидесятниками» и людьми послесоветской культуры — они и вызывают их отторжение до сих пор. Быков — один из тех, кто воспринял традицию скепсиса в отношении нравственного авторитета Лихачёва. На самом деле, Лихачёв никогда не отказывал в помощи тем, кто в ней нуждался. В их числе и политические заключённые, такие как Андрей Синявский и Юлий Даниэль, и Евгений Пастернак, которому он помогал опубликовать роман отца, и Сергей Аверинцев, и даже Лев Гумилёв, автор нового издания «евразийства». Лихачёв не подписывал коллективных писем, потому что знал — советская власть реагирует на такие письма лишь ужесточением своей линии. Вместе громких публичных протестов, о которых сообщали западные радиоголоса, Лихачёв обращался к властям «под сурдинку», через академические и иные каналы, без огласки.

Есть и другие черты, которые делают Лихачёва чужим в глазах иных «шестидесятников» и их либеральных последователей. Его строгость в принципах, гражданский реализм и нравственный пуританизм, обеспечившие его незапятнанную репутацию в различных слоях населения страны, кажутся старомодными людям своеобразной «смеховой культуры» 1960-х, которая в отличие от бахтинского понимания во многом зиждется на современном постмодернистском цинизме.

Лихачёв всю жизнь интересовался русским национальным характером и искал в нём положительные черты. При этом сам не страдал болезненными колебаниями российского, особенно московского самосознания — от самоуничтожения к обособлению и гордыне. Через всю жизнь он пронёс чувство собственного достоинства — одно из своих свойств, которое кому-то сегодня может показаться нарочитым и пафосным. Но именно этой доминанте характера Дмитрия Сергеевича Лихачёва хочется подражать сегодня.

Беседовала С. Г. Матлина

ЛАРИСА ЦИГВИНЦЕВА

Имя и дело выдающегося учёного

Хранитель исторической памяти

28 ноября 2016 г. Россия отметила 110-летие со дня рождения выдающегося русского учёного, просветителя и общественного деятеля Дмитрия Сергеевича Лихачёва.

Лариса Григорьевна Цигвинцева, заведующая гуманитарной библиотекой №73-Культурным центром академика Лихачёва, Москва

УЧЁНЫЙ с мировым именем, выдающийся культуролог и литературовед, автор классических работ по древнерусской литературе и общественный деятель вошёл в историю России прежде всего как просветитель, защитник культуры и свободы личности. «*Культура — это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации*», — эти слова академика Д. С. Лихачёва являются мерилom не только государственной культурной политики, но и ценности отдельной человеческой личности. Своё внутренне кредо Лихачёв всю жизнь подтверждал делом. Ему принадлежат большие и малые победы в сохранении исторического ландшафта и памятников архитектуры, создании музеев и защите библиотек.

По инициативе Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН и Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачёва 28–29 ноября в родном городе академика — Санкт-Петербурге — прошли крупномасштабные мероприятия, посвящённые этому событию. 28 ноября в Пушкинском доме состоялась конференция «Наследие Д. С. Лихачёва в XXI веке». В Государственной академической капелле Санкт-Петербурга состоялась церемония вручения ежегодной премии имени Д. С. Лихачёва «За сохранение культурного наследия России», открылась мемориальная выставка, прошёл концерт его памяти. 29 ноября в Государственном музее политической истории была открыта выставка «Лихачёв о главном» и прошла презентация книги историка Владислава Зубока «Дмитрий Лихачёв. Жизнь и век», увидевшей свет в изда-

тельстве «Вита Нова». До начала праздничных мероприятий участники посетили могилу учёного в Комарове.

Общественную значимость празднованию юбилея академика придало участие писателя и учёного, ученика Д. С. Лихачёва — Евгения Германовича Водолазкина, выдающегося кинорежиссёра Александра Сокурова, учеников и соратников Д. С. Лихачёва по его работе в Пушкинском доме, а также губернатора Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко. Членов семьи представляли внучки академика Зинаида Курбатова — тележурналист канал «Культура» и Вера Зилитинкеич-Тольц, профессор Манчестерского университета.

Отрадно, что к участию в праздничных мероприятиях были приглашены носящие имя учёного публичные библиотеки из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Новокузнецка, Ростова-на-Дону, Лабинска (Краснодарский край) и Кирово-Чепецка (Кировская обл.). Специально для них на второй день празднования в Пушкинском доме был организован круглый стол «Библиотеки им. Д. С. Лихачёва. Имя и дело». Каждая из библиотек выступила с сообщением о своих достижениях и проблемах, поделилась планами на будущее. Все высказали пожелание объединиться в ассоциацию культурных учреждений, носящих имя академика. Следует отметить, что уважительное отношение петербуржцев к библиотекам было выдержано абсолютно в духе Дмитрия Сергеевича, который считал библиотеки основными держателями культурных традиций, всегда поддерживал и защищал.

К юбилею Д. С. Лихачёва на центральном телеэкране прошёл повтор его

знаменитого выступления в телестудии Останкино (1986), канал «Культура» показал посвящённую ему программу «Больше, чем любовь». Культурно-исторический журнал «Наше наследие» инициатором создания которого в своё время стал учёный, провёл церемонию возложения цветов к памятной доске академика, размещённой на здании редакции. В №119 журнала опубликован очерк Зинаиды Курбатовой «Конспект любви», приподнявший завесу над удивительными отношениями Дмитрия Сергеевича и его жены Зинаиды Александровны. Этот союз, увиденный глазами близкого человека, позднее изученный по материалам архива и описанный профессиональным журналистом, делает ближе и понятней образ академического учёного и его жены, положившей на алтарь служения любимому человеку и свою карьеру, и все свои личные интересы. Некоторые черты характера и личности Дмитрия Сергеевича получают своё объяснение.

В юбилейные дни заявила о своей работе с именем и наследием академика московская библиотека №73-Культур-

ный центр академика Д. С. Лихачёва, которая провела цикл мероприятий, посвящённых его 110-летию. 28 ноября Общественный совет библиотеки провёл церемонию возложения цветов к памятнику Д. С. Лихачёва во внутреннем двореике Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудоміно. 11 декабря в библиотеке состоялся литературный концерт «Струны славы рокотаху...», посвящённый юбилею выдающегося культуролога и исследователя древнерусской литературы.

В исполнении чтецов-декламаторов театра-студии «Собеседник» при Центральном доме учёных РАН со сцены прозвучали редко исполняемые старинные тексты — «Житие протопопы Аввакума», «Моление Даниила Заточника» в переводе Д. С. Лихачёва, «Слово и полку Игореве...», былины «Святогор и Илья Муромец» и др. «Древния словесы» пе-

ремежались фрагментами из воспоминаний Дмитрия Сергеевича и предисловия к ним Николая Самвеляна. Звучали стихи Владимира Свешникова, сонеты Г. Русакова о Соловках. Зал слушал декламацию чтецов, затаив дыхание. Древняя русская литература приблизилась к современным читателям через декламацию чтецов и подарила им истинное наслаждение красотой и музыкой слова.

Завершился цикл, посвящённый юбилею Д. С. Лихачёва, праздничным мероприятием, организованным библиотекой №73 совместно с аппаратом Совета депутатов муниципального округа Гольяново. 15 декабря состоялась мемориальная конференция «Д. С. Лихачёв. Культура как смысл жизни». Конференцию открыл Глава муниципального округа Гольяново Тимофей Михайлович Четвертков. Приветствие участникам конференции прислали внуки академика Зинаида Курбатова и Вера Зилитиневич-Тольц, руководство Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачёва (Санкт-Петербург), главный редактор журнала «Наше наследие» В. П. Енишерлов (Москва), директор Центральной библиотеки им. Д. С. Лихачёва МБУК ЦБС г. Лабинска — И. А. Долгих и др. «За три дня до смерти, — пишет в своём приветственном слове к участникам конференции Зинаида Курбатова, — он распорядился послать последнюю свою телеграмму в министерство. Она содержала просьбу не трогать, сохранить библиотеку в Норильске».

Центральным событием конференции стала презентация первой научной биографии академика «Дмитрий Лихачёв. Век и жизнь», только что вышедшей в издательстве «Вита Нова», с участием автора — профессора Лондонской школы экономики и политических наук, кандидата исторических наук Владислава Зубока. Директор Музея истории школы Карла Мая, лауреат премии имени академика Д. С. Лихачёва Никита Владимирович Благово (Санкт-Петербург) в своём сообщении рассказал о роли учёного в создании музея, о влиянии школы К. Мая на личность академика и всю его дальнейшую жизнь. Вторая часть конференции была связана не только с наукой, но и с искусством. Презентация нового издания «Слова о полку Игореве» в переводе Л. Тувровской и с

иллюстрациями Л. Феодора прошла в формате исполнения музыкально-поэтической композиции по мотивам поэмы в исполнении поэта, члена Союза писателей России Людмилы Туровской (г. Тверь) и ансамбля народной песни «Времена» под рук. Татьяны Викторовой (г. Тверь). Завершилась конференция открытием Музея русской культуры при библиотеке (основатель и руководитель — заслуженный художник России, профессор Леонид Феодор) и экскурсией по экспозиции музея.

В приветственном слове участникам библиотечной конференции Владимира Петровича Енишерлова — главного редактора журнала «Наше наследие» — снова и снова прозвучали слова сожаления о том, что ни в Санкт-Петербурге, ни в Москве до сих пор нет достойного музея академика Д. С. Лихачёва. *«Это должен быть не только музей вещной памяти о замечательном человеке, практически ровеснике века, учёном, просветителе, гражданине, — подчёркивает младший соратник академика, — но и научно-просветительский центр, вокруг которого сплотятся люди неравнодушные, молодёжь, озабоченные состоянием культурного наследия России. Хотелось бы, чтобы встреча в библиотеке академика Д. С. Лихачёва стала шагом к созданию его музея».*

С автором можно связаться:
b73@cbs-yao.ru

О необходимости создания музея имени Дмитрия Сергеевича Лихачёва и мероприятиях к 110-летию учёного.

Дмитрий Лихачёв, культурное на-
следия, память, библиотечные про-
екты

This article is about the events to the 110th anniversary of Dmitry Likhachev.

Dmitry Likhachev, cultural heritage, memory, library projects

ДМИТРИЙ ИВАШИНЦОВ

Альманах «Русский миръ» От замысла до воплощения

Альманах «Русский миръ. Пространство и время русской культуры» является основным издательским проектом международной ассоциации «Русская культура» (с 2013 г. — НП «Русская Культура»), которая была создана в 2001 г. известными и уважаемыми представителями науки, образования, медицины и искусства России.

Дмитрий Александрович Ивашинцев, сопредседатель-координатор международной ассоциации «Русская культура», старший научный сотрудник Санкт-Петербургского отделения Российского института культурологии МК РФ и РАН, профессор СП отделения РИК, Санкт-Петербург

СОЗДАНИЮ АЛЬМАНАХА предшествовали три крупные международные конференции: в 2000 г. — международного форума русской интеллигенции «Культура и общество: взаимные обязательства на пороге нового тысячелетия», в 2002 и 2004 гг. — международных конференций «Русский миръ — проблемы и перспективы». Именно в ходе этих мероприятий была разработана и обсуждена концепция русского мира, как этнокультурного сетевого проекта. Для того чтобы яснее представлять структуру и смысловое наполнение Альманаха, следует кратко остановиться на самом понятии этнокультурного мира.

В большинстве случаев общественностью развитых стран достаточно остро воспринимается нарушение экологического равновесия. Сейчас уже не требует доказательств факт существенного влияния человеческой цивилизации на глобальные изменения в биосфере. Не менее грозные изменения происходят в значительно более тонкой сфере наших взаимодействий с Универсумом. Я говорю об его духовной составляющей. Попытка под лозунгом глобализации осуществить тотальную нивелировку культур, повсеместное внедрение моральных ценностей общества потребления, базирующихся на крайних формах индивидуализма и приоритете личного успеха, приводят к возрастанию агрессивности на межличностных, межгрупповых, межконфессиональных уровнях. Между тем сохранение разнообразия культур не менее важно, чем сохранение биологического разнообразия. Теория устойчивого развития замкнутых систем, а к таковым, в первом приближении,

можно отнести земную ноосферу, говорит, что разнообразие элементов замкнутой системы является необходимым условием её существования. Непонимание значимости интеллектуально-духовной составляющей ноосферы, не позволяет лидерам технологически развитых стран правильно прогнозировать глобальные цивилизационные процессы. Реализация сиюминутных, с точки зрения цивилизационного анализа, интересов транснациональных компаний может привести человечество к точке, за которой начнётся необратимый процесс дегуманизации земной ноосферы. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Глобализация — в её истинном, не искажённом политическим экстремизмом, смысле — является неизбежным следствием развития современных средств коммуникации, неравномерным распределением природных ресурсов, общечеловеческими задачами сохранения ноосферы. Стремительное сокращение реального жизненного пространства, вынуждает человечество находить общий язык, заниматься трансляцией (переводом) фундаментальных смыслов системообразующих культур.

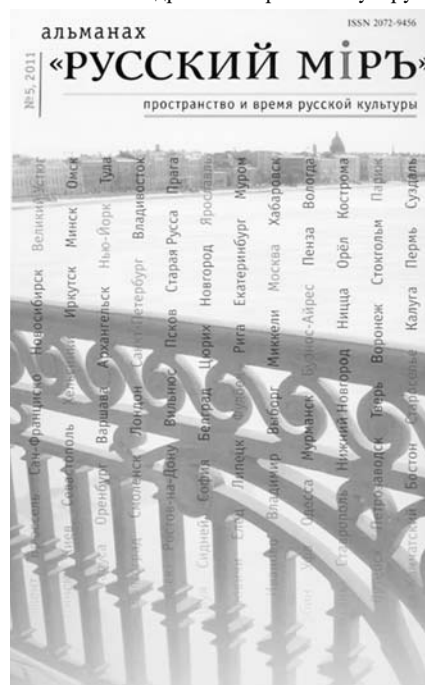
Снятию напряжённости в этнических и национальных конфликтах может способствовать принцип «гражданства на основе культурной идентичности», предложенный в 2001 г. Аматаи Этциони, профессором университета Дж. Вашингтона. Этот принцип тесно связан с пониманием этнокультурного мира как сетевой структуры. В нашей трактовке, этнокультурные миры будущего, которые сохраняют свою внутреннюю идентичность, будут базироваться на транс-

национальных связей обществ и отдельных индивидуумов, чётко позиционирующих себя относительно культурной идентичности. Этнокультурные миры сетевого характера могут свободно пересекаться и накладываться друг на друга, расширяться и сужаться, не требуя изменения существующих геополитических границ. Условием такого их сосуществования может стать закрепление на межгосударственном уровне (ООН и ЮНЕСКО) системы документов, определяющих базовые ценности общечеловеческого характера. К таким документам следовало бы отнести: Всеобщую декларацию прав человека (принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 г.); Всеобщую декларацию обязанностей человека (проект подготовлен Советом взаимодействия в 1997 г.); Всеобщую декларацию о культурном разнообразии (принята ЮНЕСКО в 2001 г.); Декларацию прав культуры (автор первоначального текста академик Д. С. Лихачёв). Ещё одним желательным условием свободного пересечения и наложения этнокультурных миров является включение в основные законы государств специальной статьи, посвящённой правам культуры. Введение культуры в высшее правовое поле позволит сохранять культуру как титульных наций, так и малых народностей и национальных меньшинств. Такая статья Конституции, применительно к Российской Федерации, была разработана ассоциацией «Русская культура» и получила одобрение на Форуме русской интеллигенции в Санкт-Петербурге в 2000 году.

***

Понятно, что этнокультурные миры существуют вне зависимости от того, занимается ли кто-либо их структуризацией. Однако выведение этого феномена из области коллективного бессознательного на поверхность культурной и политической действительности является актуальной и требующей определённых усилий задачей. Именно поэтому международная ассоциация «Русская культура» в основу своей деятельности положила выработку стратегии и философии новой глобальной структуры — Русского мира, представляющей собой единое жизненное пространство раз-

лётной нации. Название проекта мы почерпнули у Петра Щедровицкого, немного подкорректировав его семантическое наполнение. Русский мир — это своеобразный мост между прошлым и будущим. При этом первая часть наименования проекта имеет современное написание и обращена в будущее. Вторая часть несёт философско-онтологическую нагрузку и отсылает к традициям русской историософии, к основам русской философской мысли XIX–начала XX веков. Таким образом, проект «Русский мир» предполагает построение новой этнокультурной общности, онтологическим ядром которой станут рус-

ский язык и русская культура, а структурную связность обеспечат современные информационные технологии. Не буду скрывать, что, помимо глобальных задач, к созданию альманаха нас подтолкнуло состояние художественной культуры и гуманитарных научных дисциплин в самой России. В редакционной статье, открывающей второй номер альманаха, я отмечаю, что особая наша цель — сохранение русской интеллигенции, создание условий для её духовного воспроизводства.

Возвращаясь к Альманаху, попробуем определить его целевую аудиторию. Это прежде всего люди, интересующиеся различными аспектами и проявлениями русской культуры, творчески участвующие в её развитии. К ней, без сомнения, относятся так же читатели в до-

статочной мере знакомые с русской литературной классикой, историей и философией. Чтение альманаха нельзя назвать расслабляющим отдыхом, скорее — познанием нового и интеллектуальным трудом. Конечно, не все разделы альманаха отягощены научной составляющей. Рубрики «Поэзия», «Далёкое близкое», «Народная письменность», «Повествовательная проза» и ряд других, доступны широкому кругу читателей. Тексты же рубрик «Философский пароход», «Культурный архив», «Струг истории» требуют определённой подготовки. В то же время материалы этих рубрик сопровождаются подробнейшими комментариями, которые значительно облегчают их восприятие.

Как во всяком живом деле, на протяжении десяти лет выпуска Альманаха, сама идея, заложенная при его создании, менялась и уточнялась. Достаточно ознакомиться с редакционными статьями в первом, втором и десятом выпусках. Суммируя, можно сказать, что подготовка и издание Альманаха являлись исследовательским проектом, направленным на получение, более или менее, внятной картины состояния русской культуры на рубеже XX и XXI веков. Здесь следует оговориться о том, что мы сознательно оставляли за кадром широко известные факты и произведения, культовые фигуры сегодняшнего медийного и литературного пространства. Вместе с тем нам удалось за эти годы привлечь к изданию более 200 авторов из 20 стран, не считая России. Это, прежде всего, наши ближайшие соседи — Латвия, Финляндия, Норвегия, Эстония; страны, приютившие эмигрантов первой волны — Германия, США, Франция; страны с большой русскоговорящей диаспорой — Израиль, Греция. Российские авторы проживают в городах: Барнаул, Великий Устюг, Воронеж, Гатчина, Екатеринбург, Калининград, Казань, Краснотуринск, Магнитогорск, Москва, Пермь, Псков, Санкт-Петербург, Саратов, Тверь, Чернигов, Ярославль; в посёлках и деревнях: Берёзово, Дедовичи, Заовражье, Пиляр, Селгелево, Сибирский, Староселье, Ячменёво.

Работая над смысловой конструкцией альманаха, мы много внимания уделяли рубрикам, которые должны не просто фиксировать принадлежность того или иного текста к одной из

областей художественной или гуманитарной культуры, но концептуально определять лицо издания. Процесс этот не закончен, так как переходит в своё сетевое продолжение. Однако промежуточный результат попытаюсь озвучить.

К наиболее значимым рубрикам, конструирующим концептуальное пространство альманаха, я бы отнёс следующие: «Философский пароход», «Народная письменность», «Поэзия плюс», «Чтеная книга», «Струг истории», «Далёкое близкое», «Русский некрополь», «Берег искусства», «Званный гость».

Кратко остановлюсь на их содержании.

Учитывая целевую аудиторию издания, тексты, включаемые в рубрику «Философский пароход» (ведущий рубрики — философ Даниэль Орлов), должны балансировать между научным

становеда Ольги Сакуровой «Конь, Всадник и Змея», предлагающая новое (и, во многом, неожиданное!) прочтение поэмы Пушкина «Медный всадник» в контексте рефлексии над ключевыми архетипами и символами российской истории. В четвёртом выпуске в рубрике появляются два новых подраздела: «Философская проза», представленная произведениями петербургских философов Павла Кузнецова, Алексея Грякалова и Александра Черноглазова, а также — «Гость рубрики», которым явился французский философ Поль Вирильо.

Представление многообразия словесной культуры Русского мира — одна из важнейших задач альманаха.

Открываемая в третьем номере рубрика «Народная письменность» важна для нас тем, что вводит в общекультурный контекст огромный материк словесности, включающей частную переписку, записные книжки, дневники, жизнеописания (написанные «для себя», а не «для печати»), альбомы, песенники, наивные поэтические опыты и т. д.

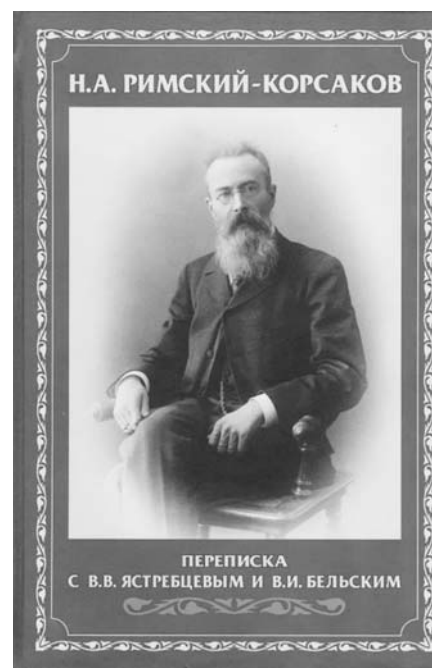
Ведущий рубрики, филолог Олег Николаев, отмечает, что: «Пренебрежение народными (неофициальными) источниками ведёт к тому, что мы теряем целые пласты “другой” — запечатлённой простым человеком — отечественной истории.... История имеет смысл для человека только потому, что обладает “человеческим” измерением, а значит, помогает каждому обрести свою идентичность». В третьем выпуске опубликованы памятники письменности раскулаченных, людей сосланных в период сплошной коллективизации в Северо-Западную Сибирь. Широк жанровый диапазон этих текстов: опись имущества, изъятого при раскулачивании; сборник частушек в самозаписи; восстановленная от руки часть текста Нового Завета; разные виды жизнеописаний и даже наивная стихотворная хроника. В четвёртом номере эта рубрика представляет уникальный документ, фрагменты дневника Марии Германовой, сельской учительницы времени немецкой оккупации.

Рубрика «Поэзия плюс» нацелена не только на поиск интересных поэтических произведений, но и на создание пространства их восприятия в культурологических, философских, социальных контекстах. В этом отношении альма-

нах уходит от традиционной практики герметичной (узко-художественной) репрезентации поэзии. Наиболее показательна в этом смысле публикация во втором номере подборки стихотворений известного рок-музыканта Юрия Шевчука, совместно с материалами члена редколлегии Татьяны Ковальковой («Правда голых слов») и филолога Людмилы Шишкиной-Яроменко («Русский экстрим. Опыт антропологической прозы»), а также в десятом выпуске материал о представительнице младшего поколения литераторов Зарубежной России, тех, кто начал пробиывать себе дорогу в русскую литературу уже на чужбине, Екатерине Таубер. Последняя публикация включает в себя: обширную статью зарубежного члена редукционного совета — Ренэ Герра; подборку стихов Екатерины Таубер; письма к ней Зинаиды Гиппиус, Бориса Зайцева, Романа Гуля, Екатерины Кузнецовой.

и популярным стилями, воплощая идею движения/плаванья свободной философской мысли, а общая их задача — создавать силовые поля, соединяющие всё смысловое пространство альманаха. Этому требованию хорошо соответствуют, публикуемые во втором и третьем выпусках, беседы известных русских философов: Татьяны Горичевой, Александра Секацкого, Даниэля Орлова и Андрея Положинцева. Темы бесед говорят сами за себя: «Наваждение глобализма», «Каспар Давид Фридрих: взгляд по ту сторону горизонта (об актуальном в романтизме)». Событием рубрики стала статья филолога и искус-

Название рубрики «Чтеная книга» восходит к толковому словарю В. И. Даля. «Чтеная» — прочитанная книга, старорусское слово отсылает к древнерусской культуре чтения, предполагавшей не просто получение информации, а глубокое и внимательное погружение/усвоение. А значит, «чтеная книга» — это не просто прочитанная редакцией, а надлежущая к чтению (в идеале — возвращающемуся, повторному) книга. В этой рубрике публикуются отрывки

из наиболее интересных и значимых прозаических произведений с комментариями, задающими контексты их восприятия. Такова публикация в третьем выпуске фрагмента романа Людмилы Разумовской «Русский остаток» и статьи Татьяны Ковальковой «Русалочьи тайны». Девятый выпуск знакомит с одной из глав романа Кирилла Померанцева «Восьмой день». Кирилл Дмитриевич Померанцев (1906—1991) — один из замечательных деятелей Русского Зарубежья, фигура колоритная и неординарная, последний из могоикан парижской эмиграции.

Только к третьему выпуску мы определились с разделением мемуарной прозы между двумя рубриками: «Струг истории» и «Далёкое близкое». Первая из них включает в себя воспоминания людей, ушедших из жизни, и касается событий, отделённых от нас достаточным отрезком времени. Таковы интереснейшие воспоминания русского морского офицера Бориса Бьёркелунда (1893—1976), предоставленные нам его вдовой Ириной Романовной, проживающей в Хельсинки. Во втором выпуске опубликованы воспоминания Сергея Туника, юриста, российского офицера о его детстве, переданные в редакцию альманаха его дочерью, лингвистом и дипломатическим переводчиком Галиной Туник-Роснянской, проживающей в США. В восьмом — детские воспоминания Юрия Вахтеля (1908—2001) — лётчика, капитана Югославской Королевской армии, церковного и общественно-го деятеля Русского Зарубежья.

Рубрика «Далёкое близкое» касается недавнего прошлого. Это и воспоминания драматурга и издателя Николая Якимчука из Санкт-Петербурга о Сергее Курёхине и Давиде Самойлове, и культуролога и публициста Лидии Довыденко из Кенигсберга о русском философе Николае Арсеньеве. Последний текст сочетается с любезно предоставленной коллекционером-исследователем из Ниццы Ренэ Герра статьёй самого Арсеньева из сборника «Старые — молодым». Этот сборник знаменит не только подбором авторов и тем, что он издан Издательством Центрального Объединения политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ) в Мюнхене в 1960 г., но также исключительной редкостью. На сегодняшний день в библиотеках и

частных собраниях сохранились считанные экземпляры этой книги.

Начиная с седьмого выпуска в Альманахе появляется рубрика «**Культурный архив**», знакомящая читателей с сокровищами нашего архивного фонда.

Переходя к рубрике «**Русский некрополь**» отмечу, что русская традиция связывает восприятие некрополя, как части истории, ощущения неразрывности связи с ней. «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости. Дикость, подлость и невежество не уважает прошлое, пресмыкаясь перед одним настоящим» (А. С. Пушкин). Произошедшая в XX веке революционная катастрофа сформировала новый мемориальный культ, его

внутреннее наполнение и символику, отразившуюся в современном кладбищенском запустении, забвении и небрежении к памяти могил и предков, и современников.

Кладбища всего мира с самого первого и до нынешнего дня не имеют своих территорий. И вряд ли уже будут иметь. Европа от этого давно отказалась. Но в русской традиции особым образом отражается упование на эту территорию: отцов не хоронят на чужбине, гроб называют домовиной, а благоустройство русской могилы, напоминающее живой дом с оградой и скамейкой, с некими домашними предметами (иногда с игрушками) — трогательная попытка повторения теплого и вечного жительства там, где уже властвует север.

Кладбище всегда и давно под угрозой исчезновения. А в наши дни при дефиците

земли в мегаполисах могут стать роскошью для богатых. Альтернатива — крематорий, безымянный прах на полке среди книг? Или какие-либо экзотические формы хранения останков как древняя костница в Чешском городе Седлеце?

Но мы ещё можем видеть образцы мемориальной культуры и погребальной традиции в отечестве. По большей части это сохранные старообрядческие кладбища, не старше XVIII века, расположенные в глухих сибирских и северных краях. Такими образцами могут послужить малоизвестные в России многочисленные заграничные некрополи, на которых нашли последний приют русские эмигранты. Они расположены почти по всему миру, огромная часть их в Америке и Канаде. Два самых больших кладбища — монастырское и мирское — находятся возле русского мужского монастыря в Джорданвилле (США). Под угрозой исчезновения военные кладбища Первой и Второй мировых войн. В России остались единичные могилы, не считая недавно восстановленных энтузиастами, а на европейской территории их ещё немало, но всюду возникает проблема с истечением срока аренды земли...

В первом выпуске альманаха ещё до открытия рубрики был помещён очерк Ольги Мусатовой «Русский крест — болгарская канва» о совершенно уникальном русском некрополе, территорией для которого стала вся страна — Болгария — о памятниках и могилах Русско-турецкой войны (1877—1878 гг.). В четвёртом выпуске опубликован очерк Сергея Дыбова о русских военных кладбищах во Франции. Точное число их на самом деле никто не знал, пока автор по собственной инициативе и по сердечному сочувствию к заброшенным русским могилам не решился проехать почти по всей Франции и точно установить — этих некрополей 266. Цифра ошеломила...

Пока живы остатки русских кладбищ, старинных и новых, в отечестве и в рассеянии, попытка их описания, рассказов, очерков видится как создание единого словесного поля памяти о прошлом, размышлением о возможности восстановления уходящей традиции.

Концепция рубрики «**Берег искусств**» сформировалась не сразу. В первых двух выпусках функции руб-

рики, в которой мы затрагиваем различные грани жизни искусства, выполняла рубрика «Вернисаж». Однако такое название не только сужало проблемное поле наших публикаций, но и создавало ощущение легкомысленной прогулки по художественным галереям. Задача новой рубрики — анализ тех явлений в современной художественной культуре, которые открывают какие-то новые пространства смыслов и дискурсов, не обязательно уже полностью состоявшиеся, но возможные в перспективе. Как и в литературных рубриках, здесь мы говорим не только об эстетической ценности тех или иных произведений ис-

кусства, но и об их культурных смыслах, контекстах, пути автора к обретенному им «берегу». В четвертом номере рубрика открывается социально-антропологическим эссе Людмилы и Александра Ярмоленко «Рабочий и колхозница»: четвертое рождение», и включает в себя очерк Натальи Кольцовой и Олега Николаева «Виктор Пятницкий из города Сенгилея: между Сталиным и Гитлером». В пятом выпуске представлена статья Иосифа Райскина, посвященной хоровой симфонии-действу «Перезвоны» Валерия Гаврилина в контексте размышлений композитора (отраженных в записных книжках, дневниках, эссе) над судьбой русского человека в XX веке. В восьмом — исследование Игоря Евлампиева «Идея бессмертия в творчестве А. А. Тарковского».

При всей широте рубрики «Берег искусств» не все материалы, формально

относящиеся к ней, смогли разместиться в её пределах. Так, в девятом выпуске появилась рубрика «Перекрёсток события», знакомящая нас с интереснейшим рукописным альбомом Алексея Ремизова с текстом легенды о Соломоне и Китоврасе, подаренным писателем Рене Шару в 1937 году. Со-бытиё крупнейших представителей двух культур, развёрнуто на фоне их переписки, статей об их

творчестве, оригинального перевода стихов Рене Шара, разнообразного иллюстративного материала и подробнейших комментариев.

Наконец, одна из ключевых рубрик альманаха — «Званный гость»; её задача — полноценно и многогранно представить читателю наших современников — представителей (иногда — героев) или друзей Русского мира, принципиально значимых для его самоидентификации. Рубрику ведёт журналист Татьяна Ковалькова. Эта рубрика появилась со второго выпуска, и представляла вниманию читателей целую галерею интересных людей: философа Татьяну Горичеву (с публикацией части её дневниковых записей 2005–2008 годов); словенского философа и поэта Горазда Коциянчика; французского философа и теоретика искусства Филиппа Серса; активного деятеля «второй культуры» Ленинграда поэта Петра Брандта и др.

За прошедшие годы альманах стал заметным событием интеллектуальной сферы русского мира. Этому в немалой

степени способствовало создание литературной библиотеки альманаха, на страницах которой опубликовано более полутора десятков интереснейших книг. Отмечу некоторые: Аркадий Ваксберг, Рене Герра «Семь дней в марте» (2010); Олег Охапкин «Лампада» (2010); С. С. Оболенский «ЖАННА — БОЖЬЯ ДЕВА» (2013); Сергей Самарин «Крушение» (2012); Б. В. Бьёркелунд «Путешествие в страну всевозможных невозможностей» (2014); Рене Герра «О русских — по-русски» (2015); О. Р. Демидова «Изгнание как послание: эстетизм и этос русской эмиграции» (2015). Готовятся к выпуску книга-исследование профессора Гарвардского университета Баяры Арутюновой «Зинаида Волконская. Жизнь в письмах» и избранное Кирилла Померанцева — «Оправдание по-

ражения», практически неизвестного у нас в стране поэта Серебряного века, публициста и мемуариста.

С автором можно связаться:
ivashintsov@gmail.com

Статья посвящена издательскому этнокультурному проекту Альманах «Русский мир», его концепции, структуре, наполнению.

Русская культура, духовные традиции, история, философия

The article is devoted to publishing ethnocultural project Almanac «Russian World», its concept, structure, filling.

Russian culture, traditions, history, philosophy

Пассионарий отечественной науки и культуры Лев Гумилёв. Он был другим

ОРГАНИЗАТОРЫ мероприятия — Ленинградская областная научная универсальная библиотека, Санкт-Петербургская филармония, Музей Л. Н. Гумилёва и МАУК «МРБ Киришского муниципального района». В Кириши приехала куратор проектов — заведующая отделом межбиблиотечного абонемента ЛОУНБ Вера Николаевна Чиченкова, которая выступила перед собравшимися со вступительным словом.

Гости библиотеки познакомились с создателем музея-квартиры Л. Н. Гумилёва в Санкт-Петербурге — кандидатом географических наук Мариной Георгиевной Козыревой. Марина Георгиевна знала Льва Николаевича лично. Около тридцати лет она проработала на кафедре географического факультета Санкт-Петербургского университета вместе с великим учёным. Марина Георгиевна знает историю каждой вещи музея-квартиры Гумилёва. Среди экспонатов есть и кусок норильской руды, которую добывали заключённые ГУЛАГа. Здесь всё так, как было при жизни учёного — огромный письменный стол, картотека, подаренная Эрмитажем, удобное кресло...

Пришедшие на мероприятия прослушали подробный рассказ о жизни и творчества Льва Николаевича. Их вниманию была представлена мультимедийная презентация, в которую включены уникальные фотографии и архивные документы.

В мероприятии принимал участие Дмитрий Александрович Ефименко — артист Санкт-Петербургской филармонии, мастер художественного слова.

Он виртуозно читал стихотворения Льва Николаевича Гумилёва и его знаменитого отца — Николая Степановича Гумилёва. Прочитала своё любимое стихотворение Льва Николаевича и Марина Георгиевна Козырева. Стихотворения тронули всех собравшихся до глубины души. Недаром А. В. Кожин писал, что «...несколько опубликованных стихотворений в последние годы его не уступают по своей художественной силе поэзии его прославленных родителей», классиков русской литературы Н. С. Гумилёва и А. А. Ахматовой.

Марина Георгиевна Козырева ответила на вопросы, которые особенно интересовали читателей и сотрудников библиотеки.

Марина Георгиевна, как Вы считаете, какое влияние оказали на жизнь и творчество Льва Гумилёва его родители?

— Безусловно, влияние родителей было сильным, но мальчиком он предпочитал «мужские» стихи отца. Мамины стал признавать позже, и то не про любовь.

Гумилёв говорил, что до войны сидел «за папу», а после войны — «за маму». Это действительно так?

— Это вполне понятно: отец был расстрелян, и этого было достаточно, чтобы посадить его сына. И с мамой почти тоже. Кроме того, он был «неподходящего» происхождения.

Лев Гумилёв говорил: «Интеллигентный человек — это человек, слабо образованный и страдающий народом. Я образован хорошо и народу не страдаю». Как Вы считаете, что он хотел сказать этой фразой?

9 февраля в рамках проектов Ленинградской областной универсальной научной библиотеки (ЛОУНБ) «Лучшие книги — библиотекам» и «Российские писатели — жителям Ленинградской области» в Киришской центральной библиотеке состоялась встреча «Пассионарий отечественной науки и культуры», приуроченная к 105-летию со дня рождения Л. Н. Гумилёва.

Ольга Васильевна Тараскина,
методист МАУК «МРБ Киришского
муниципального района»

Елена Петровна Исаева,
преподаватель русского языка
и литературы МОУ «КСОШ №2»
г. Кириши

— Он не любил вообще слово «интеллигентный», а предпочитал людей очень образованных, воспитанных и не заикливых на страданиях. Однако ничего пренебрежительного в этом утверждении не содержалось. Просто ему были интересны люди творческие. Я знала некоторых его лагерных друзей, которым он много помогал и с которыми общался.

Какой экспонат, на Ваш взгляд, самый ценный в музее-квартире Л. Н. Гумилёва?

— Трудно сказать. Он очень любил свой письменный стол и настольную лампу, абажур для которой сделала его

жена после того, как старый сгорел. Она обработала воском бумагу с внешней и внутренней стороны, нарисовав перед этим картину на кочевническую тему. Любил портрет отца, который нарисовал художник из плеяды молодых «абстракционистов», которых отовсюду гнали, а директор Эрмитажа, видя, что некоторые из них были талантливы, брал их на работу. Они работали так-

лажниками, сантехниками и т. д. Лев Николаевич очень подружился с одним из них и заказал ему портрет отца, который до сих пор висит в кабинете его квартиры-музея. Он прожил в этой первой отдельной квартире всего около 2,5 лет, а до этого жил в двух коммунальных.

Существуют свидетельства о том, что Лев Гумилёв обладал гипертрофированным самолюбием. Было ли он человеком лёгким в общении?

— Нет, таких свидетельств я не встречала. Конечно, были люди, неприятные ему по своим человеческим качествам, и он избегал встреч с ними. Вот и всё.

Дмитрий Александрович Ефименко читает стихи Льва Гумилёва

По свидетельствам очевидцев после лекций в головах не оставалось ничего, потому что никто не конспектировал, все только слушали, не могли оторваться. Гумилёв говорил блистательно — сыпал фактами, именами, датами, парадоксальными суждениями... Посчастливилось ли Вам бывать на лекциях Гумилёва?

— Я ходила на его лекции, и в течение многих лет слышала только восторженные отзывы. А что касается отрицательных, то, конечно и они бывали, но только редкие. А вот то, что у него было много завистников, то это так. Кроме того, это всё было ещё до перестройки, и, естественно, что многие партийные люди, считая его «анти-советчиком» и желая выслужиться перед партийными начальниками, писали много доносов на Гумилёва, это точно. Я сама их читала в

архиве университета и в воспоминаниях некоторых посетителей его лекций. Были и те, кто успевал записывать его лекции, а таких было много.

Существует точка зрения, что в трудах Л. Н. Гумилёва немало парадоксальных положений, основанных не на анализе источников, а на стремлении противопоставить свои взгляды «официальным точкам зрения». Согласны ли Вы с таким мнением?

— Абсолютно не согласна. Например, сейчас в воспоминаниях некоторых учёных, которые писали на него доносы, что он де не учёный, а «фантазёр», появились даже покаянные высказывания по этому поводу. Кроме того, вы не представляете себе, как много людей посещало его лекции, и их количество все росло и росло, как его защищали многие серьёзные учёные (например, Струве, Тарле, а позже — Лихачёв, Артамонов, Гаель, и многие другие, мон-

Книги ЛНГ на иностранных языках

гольские учёные и другие известные учёные из республик Средней Азии и Монголии, ведь он много писал об истории кочевых народов). В конце жизни его всё-таки сделали академиком, а его последнюю книгу «От Руси к России» напечатали и рекомендовали как учебник по истории для старших классов. Его книги переводились не только в Восточных странах, но и в Европе: Чехословакии, Польше, Испании, Италии и т. д.

Существуют свидетельства, что в быту Гумилёв всегда оставался непритязательным, хотя по советским меркам хорошо зарабатывал. Экцентричностью напоминал Ахматову. Например, на вокзал приходил за час до отправления. Каким на самом деле был Лев Гумилёв?

— Действительно, жил он скромно. Он говорил, что ему нужен письменный стол, книги и возможность спокойно работать. Быт его не интересовал. Но когда он женился, Наталия Викторовна постарались как-то украсить его быт. Этим занималась только она. Его это, действительно, не трогало.

На память о мероприятии директор МАУК «МРБ Киришского муниципального района» Юлия Евгеньевна Неуймина и ведущий специалист Комитета по культуре, делам молодёжи и спорту ад-

Вера Николаевна Чиченкова

министрации Киришского муниципального района Людмила Васильевна Савченко вручили гостям уникальные календари с изображением работ киришских кружевниц. Фонд киришских биб-

лиотек, в свою очередь, пополнился новыми интересными изданиями, подаренными ЛОУНБ.

Всего через несколько дней после мероприятия организаторы получили проникновенный отзыв, которым бы хотели поделиться.

Рыцарь счастья

Февральский день дышал загадочной бодростью. Я с девочками шла в библиотеку на мероприятие со странным, но завораживающим названием «Пассионарий отечественной науки и культуры». Конечно, мы знали, что будет выступать Марина Георгиевна Козырева, которая дружила с сыном А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилёва и создала его музей-квартиру. И всё-таки встреча оказалась для нас полным откровением. Поразило то, как искренне, увлечённо рассказывала Марина Георгиевна о земном человеке, со всеми его достоинствами и недостатками. Теперь стало понятно: пассионарий — это Лев Николаевич Гумилёв, человек высокого духа, сумев-

ший не сломаться, выстоять, и не только сохранить, но и приумножить свой творческий потенциал. Именно он придумал «пассионарную» теорию этногенеза. Лев Николаевич — удивительная личность с невероятной судьбой. Обаятельный чудак. Замечательный рассказчик с дефектами речи (не выговаривал буквы «эр»). Крупнейший и многогранный учёный-историк, географ, востоковед, кочевниковед, поэт.

Презентация не случайно называлась «Наперекор судьбе». Очень жаль, что Марина Георгиевна спешила в Санкт-Петербург ещё на одно мероприятие, посвящённое Льву Николаевичу Гумилёву, поэтому волновалась, речь была порой сбивчивой. Но всё равно создалось впечатление: дай ей больше времени, она долго бы, чуть ли не на одном дыхании говорила бы и говорила о семье Гумилёвых, настолько эта интеллигент-

ная женщина влюблена в их творчество, в их жизнь.

В конце встречи прозвучали стихи Николая и Льва Гумилёвых в исполнении артиста Санкт-Петербургской филармонии Д. А. Ефименко. Читал он проникновенно, напевно, то громко, то тихо. Его голос, его интонации иногда вызывали мурашки. Этот седовласый мужчина покорила не только своим выразительным чтением, но и жестами, мимикой, строгим костюмом с бабочкой.

Мне посчастливилось приобрести книгу воспоминаний о Л. Н. Гумилёве «Живя в чужих словах» с автографом Козыревой.

Выйдя из библиотеки, мы делились впечатлениями. Первое слово девочек: «Восторг!» Нас всех переполняли хорошие эмоции, интересные факты из жизни талантливых людей хотелось передать другим. А я, учитель русского языка и литературы, думала о том, что надо обязательно познакомиться с учебником по истории для 8–11-х классов «От Руси до России», который написал Лев Гумилёв. Вдруг на ум пришли строчки из стихотворения его отца «Рыцарь счастья»:

Как в этом мире дышится легко!

Скажите мне, кто жизнью недоволен,

Скажите, кто вздыхает глубоко,

Я каждого счастливым сделать волен.

Да, счастье — жить, когда многое ещё впереди, когда яркие встречи с людьми, книгами нас духовно обогащают, а поэзия не уходит из нашей жизни, потому что является «благом для душ чистейших».

Исаева Елена Петровна, преподаватель русского языка и литературы МОУ «КСОШ №2» г. Кириши, Еришова Виктория, ученица 8б, Васильева Софья и Мамедова Руфана, ученицы 7а

С авторами можно связаться:
kovalenko.olga@mail.ru

О мероприятиях к 105-летию Льва Николаевича Гумилёва.

Лев Гумилёв, русская культура, интеллигентность

This article is about the events to the 105th anniversary of Lev Gumilyov.

Lev Gumilyov, Russian culture, intelligence

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВА, МИРХАТ МУСИН

Между двумя войнами*

Из Виипури — в Выборг

13 марта 1940 г. в 12 часов дня боевые действия между СССР и Финляндией закончились. 105-дневная кровопролитная война была завершена.

СОГЛАСНО мирному договору между государствами, подписанному в Москве 12 марта 1940 г., г. Виипури (Выборг) и прилегающие к нему районы в числе других территорий отходили к Советскому Союзу. 14 марта воинские части РККА вошли в Виипури.

В результате военных действий предприятия, расположенные на Карельском перешейке и в городе Виипури (Выборге), сильно пострадали и нужда-

лись в восстановлении. Необходимо напомнить, что бои за город, проходившие со 2 по 13 марта 1940 г., носили необыкновенно упорный характер. Финские подразделения отстаивали каждый дом, каждую улицу. В ходе боёв также сильно пострадал и жилой фонд. Помимо разрушений от артобстрелов и бомбардировок авиацией, в результате отсутствия электроснабжения были выведены из строя канализация, водоснабжение, отопительные системы жилых домов. Ситуация усугублялась ещё и тем,

что военные действия проходили в зимних условиях.

Немедленно началось восстановление разрушенного хозяйства, а также заселение опустевшего города и его окрестностей — как известно, в декабре 1939 г., после начала военных действий между СССР и Финляндией, гражданское население было в приказном по-

рядке эвакуировано из Виипури. Город восстанавливался ударными темпами, при активной помощи ленинградских специалистов разных отраслей. Одним из центров культурной жизни советского Выборга стала городская библиотека, располагавшаяся в новом на тот момент здании, возведённом в 1935 г., — архитектурном шедевре по проекту всемирно известного архитектора Алвара Аалто. В подготовке её к открытию принимали активное участие работники Ленинградской Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, командированные в Выборг «для организации охраны книжных фондов в городе и приведения в порядок фондов и каталогов библиотеки». Директор ГПБ А. Х. Вольпер с группой сотрудников выехал в Выборг с целью «ознакомления с состоянием организации и охраны библиотечных фондов»

3 апреля 1940 года. С этого дня работа по всем названным направлениям велась почти круглосуточно. За довольно короткий период «бригаде [сотрудников ЛГПБ] удалось собрать много частновладельческих библиотек и библиотек, принадлежавших различным учреждениям. Осматривая брошенные квартиры, объезжая помещицкие усадьбы, бригада за короткий срок собрала около 100 тысяч книг. Среди них многие представляют большую ценность». Так, например, в статье корреспондента петрозаводской газеты

«Ленинское Знамя» Б. Тютяева упомянуто, что в Выборгскую публичную библиотеку влились «библиотеки крупнейшего финского помещика барона Майндорфа, крупного фабриканта и торговца Хакмана и других бежавших капиталистов».

В составе бригады сотрудников ЛГПБ в Выборг был направлен учёный-этнограф, заведующий I (Антирелигиозным) отделением ГПБ Николай Петрович Никольский, который в дальнейшем стал первым советским директором Выборгской библиотеки. Вместе с ним в Выборге работали: заведующий отделом комплектования ЛГПБ М. А. Брискман, начальник спецотдела

Е. В. Владимиров, главные библиоте-
кари В. С. Люблинский и Т. А. Быкова,
библиотекарь отдела национальных ли-
тератур Г. И. Пюкке, библиотекари от-
дела комплектования А. С. Мясоедов и
С. П. Цвелева, нормировщик-хрономет-
рист С. А. Оханов, библиотекари
Б. П. Петров и С. А. Рейсер.

Выборгская государственная публич-
ная библиотека открылась
1 мая 1940 года. В декабре этого года
она получила республиканский статус и

стала Государственной Публичной би-
блиотекой Карело-Финской ССР. С пер-
вых дней её работы в библиотеке был
организован книгообмен с другими би-
блиотечными учреждениями страны, в
первую очередь с ГПБ. Для пополнения
Выборгской библиотеки из резервных
фондов Ленинградской публичной би-
блиотеки было отобрано свыше

7 тыс. томов советских изданий художе-
ственной, политической, технической и
справочной литературы. В декабре
1940 г. библиотека получила из Москвы
от Всесоюзной Книжной Палаты пер-
вые пять посылок с обязательными эк-

землярами печатной продукции, вы-
пускаемой в СССР.

По данным местной прессы, в 1940 г.
библиотеку посетило 40 948 человек.
В статье Б. Тютяева «Библиотека Ви-
пури» упоминается о том, что около
100 тыс. человек посетили читальный
зал библиотеки по состоянию на 15 сен-
тября 1940 года. Постоянных читателей

насчитывалось свыше тысячи, им было
выдано в абонементном зале более
6000 книг. Сотрудники библиотеки с са-
мых первых дней вели активную спра-

вочную и библиографическую работу,
исполняя разнообразные запросы граж-
дан и учреждений. В библиотеке име-
лось шесть кабинетов для научной рабо-
ты, лекционный зал на 500 мест. К кон-
цу декабря 1940 г. было прочитано
12 лекций на разные темы, в частности,
об учении Ч. Дарвина. В лектории биб-
лиотеки проходили и литературные
вечера; так, например, 17 ноября 1940 го-
да там выступил известный писатель
А. С. Новиков-Прибой, после осмотра
Виipurской крепости, в которой сидел
в 1907 г., будучи матросом-баталером.

В 1941 г., к годовщине взятия Виипу-

ри Красной Армией, группа сотрудни-
ков Виipurской государственной пуб-
личной библиотеки во главе с библио-
графом Е. А. Фридберг готовилась вы-
пустить книгу о Выборге. В начале лета
1941 г. в библиотеке открылась выстав-
ка, посвящённая А. М. Горькому. Про-
должалась научная, справочная и биб-
лиографическая работа, были сделаны
ценные находки в фондах библиотеки.

С авторами можно связаться:

Lenin_vbg@mail.ru

* При подготовке данной публикации были ис-
пользованы материалы газет «Правда», «Ленин-
ское Знамя» («Красная Карелия»), «Виipurский
Большевик» за 1940–1941 гг., а также материалы
архива РНБ (Российской Национальной Библио-
теки).

**О деятельности библиотеки Аалто в
Выборге в 1940–1941 годах.**

**Библиотека Аалто, история, исто-
рия библиотечного дела**

**This article is about the activi-
ties of Aalto Library in Vyborg
in 1940–1941.**

**Aalto Library, history, history
of librarianship**

ЭРИК АДЛЕРКРЕЙЦ

Наследие нескольких культур

Международный проект восстановления

Обсуждение тревожного состояния библиотеки и вопросов её сохранения началось ещё в конце 1980-х годов. Вдова архитектора Алвара Аалто Элиса Аалто и Министерство окружающей среды Финляндии в 1992 г. инициировали проведение международной кампании по сбору денежных средств и создание комитета по реставрации.

Эрик Адлеркрейц (Eric Adlercreutz), председатель Финского комитета по реставрации Выборгской библиотеки

ФОНД АЛВАРА ААЛТО, Клуб Алвара Аалто, музей архитектуры Финляндии, Финская ассоциация архитекторов и Национальный совет по вопросам строительства с самого начала подключились к проекту. Основная организация, Финский комитет по реставрации Выборгской библиотеки, была создана в 1992 году. В первые годы существования её председателем был профессор Кристиан Гулликсен. Для кампании было важно, что Министерство окружающей среды уже за год до этого, в 1991 г., организовало семинар, посвящённый проблеме состояния библиотеки, и в начале 1992 г. организовало встречу с местными властями в Выборге. На этой встрече Николай Смирнов и Николай Рачинский от города Выборга и Микко Мансикка от Министерства охраны окружающей среды подписали письмо о намерении восстановить городскую библиотеку. В 1993 г. второй семинар был организован в Санкт-Петербурге.

В конце 1980-х гг. архитектор из Выборга Сергей Кравченко начал изучать и документировать здание, это происходило на начальных этапах работы в тесном сотрудничестве с нашим комитетом. Проектная работа была проведена в офисе Алвара Аалто, который теперь возглавляла Элисса Аалто. Практические исследования и проекты были в руках архитектора Сверкера Гардберга. После того как офис Аалто был закрыт в 1994 г., всей деятельностью по исследованию, проектированию и документированию стал заниматься комитет по реставрации. Наш основной партнёр с российской стороны — это, естественно, сотрудники библиотеки, которых

возглавляла Светлана Семенова, Татьяна Светельникова и, наконец, Елена Rogozina. Другим важным партнёром был НИИ «Спецпроектреставрация» в Санкт-Петербурге.

В 1992 г. комитет по реставрации обратился к международному сообществу с призывом спасти библиотеку. На этот крик о помощи ответили. Итальянский архитектор и дизайнер Энрико Балери основал итальянский комитет, в Швейцарии бывшие архитекторы из бюро Алвара Аалто начали кампанию в поддержку Выборгской библиотеки, в Англии был образован Благотворительный фонд Выборгской библиотеки и шведский архитектор Ян-Кристер Боман основал Общество Алвара Аалто в Стокгольме. В 1993 г. Элисса Аалто основала Общество друзей Выборгской библиотеки с целью дать финансовую и моральную поддержку проекту. Общество было сформировано на основе Попечительского Совета, в который входили широко известные персоны. Председательствовал президент Мартти Ахтисаари.

Информирование общественности было важным направлением деятельности в ходе реализации проекта. Широкий спектр семинаров, конференций и выставок был организован для того, чтобы подчеркнуть важную роль библиотеки в истории архитектуры и информировать о фактическом процессе реставрационных работ. Были написаны статьи для газет, опубликованы напечатанные для международного форума брошюры и бюллетени. Выставки путешествовали по всему миру и были представлены на трёх континентах, в одиннадцати странах и более чем двадцати городах. Наиболее важная вы-

ставка, разработанная архитектором Севери Бломстедт, представляла здание, каким оно было построено в 1935 году. Эта выставка была профинансирована Министерством образования Финляндии и фондом Грэхема в США. Красочные миниатюрные скульптуры библиотеки из пластика были разработаны хорошо известным художником Гаэтано Пеше, выручка от продажи которых шла на поддержку проекта. В 2005 г. в честь празднования 70-летнего юбилея фирмы «Артек», которая продаёт мебель, изготовленную по дизайну Аалто с 1935 г., и 70-летнего юбилея библиотеки, фирма «Артек» совместно с Комите-

том начала кампанию по оснащению библиотеки мебелью. Эта кампания собрала более чем 100 экземпляров кресел, стульев и табуреток для библиотеки. Все изготовленные модели имели оригинальный вид, изначально спроектированных для здания библиотеки.

Первые средства для производства работ пришли из Министерства окружающей среды Финляндии. Поэтапность работ была продиктована имеющимися в наличии средствами, а это означало, что все под проекты на каждом этапе были реалистичны как с точки зрения сроков исполнения, так и с точки зрения бюджета. Пожертвования из разных источников (фондов, компаний и от частных лиц) были, как правило, относительно небольшими, но они были очень важны, поскольку позволяли поддерживать ход проекта. Медленные темпы в начале имели свои преимущества, поскольку в течение этих лет мы получили ценные уроки и постепенно разработали формулу сотрудничества, основанного на взаимном доверии. С нашей стороны, мы начали понимать, насколько важно это здание для жителей города, а с другой стороны, люди в Выборге постепенно разглядели ценность этого здания. Благодаря инициативы главы библиотеки

Татьяны Светельниковой, здание снова было названо «Библиотека Алвара Аалто» и позже внесено в перечень объектов культурного наследия России. Медленные темпы позволили библиотеке функционировать в течение первых 20 лет реализации проекта. За это время Друзья Выборгской библиотеки не раз организовывали для персонала библиотеки ознакомительные поездки в библиотеки Финляндии, а также пожертвовали лингвистическую студию в библиотеку.

Важной вехой было включение библиотеки в список «100 объектов всемирного наследия, находящихся в особой опасности» Всемирным фондом сохранения памятников в 2000–2004 годы. В связи с этим проект реставрации получил средства на дорогостоящие и крайне необходимые восстановительные работы на крышах библиотеки из фонда Роберта Уилсона. Когда эти работы были завершены, библиотеку уже можно было назвать «спасённой».

На рубеже веков финансирование от города Выборга увеличилось, проект получил большой вклад со стороны Министерства культуры Российской Феде-

рации и от Комитета культуры правительства Ленинградской области. Другой очень важной вехой стало открытие лекционного зала библиотеки в 2010 г., приуроченное к 75-летию здания библиотеки. Это событие придало проекту новые силы. Это не было бы возможным без средств, пожертвованных Обществом Алвара Аалто в Швеции.

Третьей и решающей вехой стала встреча в марте 2010 г. в Санкт-Петербурге Президента России Владимира Путина и Президента Финляндии Тарьи Халонен. По результатам этих переговоров средства, необходимые для завершения реставрации библиотеки Алвара Аалто, были выделены Российской Федерацией. После всех наших усилий и после двух десятилетий мучительно малых шажков это были грандиозные

новости. Это, однако, также означало, что мы должны были увеличить наши средства для работы над дизайном, надзором и документацией в последующие годы. И здесь мы получили существенную поддержку от Министерства образования Финляндии и Нордеа Банка.

Когда в 1992 г. Комитет начал кампанию, наш призыв завершился словами: *«Всем друзьям архитектуры Алвара Аалто мы предлагаем внести вклад в этот проект, успех которого станет примером нового вида культурного сотрудничества».*

С чувством огромной благодарности мы стали свидетелями того, как сбывается мечта. В то же время мы можем также сказать, что проект действительно стал «новым видом культурного сотрудничества». Мы благодарим наших друзей со всех концов мира. Тех, кто принимал решения в России и Финляндии, кто понимал важность этого предприятия. Благодарим всех друзей в Выборге, любящих это здание и занятых на проекте. Благодарим всех людей и все организации за рубежом, которые по-разному работали и поддерживали проект, всех участников и сторонников в Финляндии. Список лиц, принявших участие в прекрасном проекте по сохранению архитектурного шедевра Алвара Аалто, можно продолжать бесконечно. Большое спасибо!

С автором можно связаться:
eric.adlercreutz@a-konsultit.fi

Статья посвящена международному проекту по спасению и восстановлению библиотеки Аалто в Выборге.

Алвар Аалто, реставрация, культурное наследие, международное сотрудничество

The article is devoted to the international project to save and restore the Aalto Library in Vyborg.

Alvar Aalto, restoration, cultural heritage, international cooperation

ЕЛЕНА ПЕККИ

Дом детской радости

Здесь формируется читатель будущего

Детская библиотека, какая она должна быть? В ответ на этот вопрос сразу получаешь такие ответы: красивая, светлая, современная, обязательно с компьютерами и современной техникой, с самыми новыми книгами. Пространство должно быть ориентировано на читателя, который чувствовал бы себя в нём свободно и комфортно.

Елена Анатольевна Пекки, методист Центральной городской детской библиотеки «МАУК Библиотека А. Аалто»

Ребёнок — это грядущее.

Виктор Гюго

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ о реорганизации библиотечного пространства много говорят и пишут. Мне повезло, я работаю как раз в такой библиотеке. Будучи построена в далёком 1935 г., она и по сей день остаётся одной из самых современных библиотек не только России, но и мира. Алвар Аалто ещё в начале прошлого века смог спроектировать такую библиотеку, которой восхищаются до сих пор. Здесь всё продумано до мелочей: самая светлая, солнечная сторона здания отдана детям, вход в детскую библиотеку не имеет ступенек — проще пройти с коляской, мебель под рост ребёнка и большие окна, дающие много света, но не позволяющие отвлекаться от книги, так как находятся выше человеческого роста.

В этом году детская библиотека отметила своё 70-летие. Чего только не происходило за это время: менялись адреса, сотрудники, формы работы, целые поколения, менялась страна. В далёком 1946 г., когда в послевоенном Выборге открылась детская библиотека, книг было всего 400 экз., а читателей — 700 человек, работало только 2 библиотекаря. Сейчас в библиотеке работает 11 сотрудников, которые обслуживают около 6000 пользователей, книжный фонд увеличился до 119 437 изданий на разных носителях, выписывается 116 наименований журналов для детей и руководителей детского чтения. И во все времена в центре внимания был юный читатель.

Современный ребёнок очень развит информационно, его сложно чем-то уди-

вить. Когда спрашиваешь родителей, что любит делать их сын или дочь, чаще получаешь одинаковые ответы: компьютер, мультики, телевизор. А на вопрос любит ли он читать, в большинстве случаев получаешь отрицательный ответ. Приобщение к чтению — очень трудоёмкий и сложный процесс. Многие молодые родители росли в эпоху глобальных перемен в нашей стране, когда в их жизни места книге порой не было. Сейчас отношение поменялось. Каждый родитель хочет видеть своего ребёнка успешным. Для этого необходимо содействие семьи, школы, различных клубов и конечно библиотеки.

Любой интерьер, даже самый современный и красивый, останется холодным и равнодушным, если не согрет живой человеческой душой. Роль личности детского библиотекаря очень значима, особенно сегодня, во времена всеобщей компьютеризации и глобальной нехватки времени. Чего только не придумывают библиотекари, чтобы привлечь ребёнка к библиотеке и чтению.

Наша библиотека активно сотрудничает с детскими садами и школами города. Разработаны программы по различным направлениям, от экологического воспитания до патриотического, ориентированные на разные возрастные категории. Например, «Земли моей лицо живое» (экологическое воспитание), «Маленькая дверь в большой мир» (познавательная), «Мир русской культуры» (историко-этнографическая), программа «Чтение — души движение» (духовное и культурное воспитание), «Читатель. Гражданин. Патриот» (гражданское и патриотическое воспитание) и другие. Каждая включает в себя разнообразные

мероприятия, обязательно сопровождающиеся подбором соответствующих тематике книг. Эти мероприятия очень востребованы преподавателями школ и воспитателями детских садов. Нередко за один день проходит по пять мероприятий. Со своими разработками сотрудники библиотеки посещают образовательные учреждения города, выезжают в санатории и детские дома, в летний период в детские оздоровительные лагеря.

Особый интерес у педагогов и детей вызывают командные игры, литератур-

Акция «Расскажи стихотворение Деду Морозу»

ные игры на местности, квесты, где дети получают новые знания через игровой процесс. Знакомство с библиотекой дети начинают с экскурсий по зданию и с истории книги. Чтобы закрепить эти знания в памяти ребят, сотрудники разработали игру-квест по отделам библиотеки «Я узнаю её из тысячи», в ходе которой каждый участник должен по

«Библиосумерки»

маршрутному листу посетить все отделы библиотеки и ответить на вопросы. Квест заинтересовал и взрослых посетителей библиотеки, они с удовольствием приняли в нём участие во время «Библионочи». В летний период проводятся командные игры в парке у библиотеки, что тоже очень нравится детям.

Для сотрудников главное, чтобы ребёнок приходил в библиотеку с удовольствием. Самому маленькому нашему читателю нет ещё и года. Знакомство с

книгой у таких малышей начинается с красивых иллюстраций, которые дети внимательно рассматривают вместе с мамами. Библиотека, учитывая появление читателей-малышей, закупает книги-картинки, книги-игрушки.

Библиотека радости, занятие про профессии

В 2014 г. в библиотеке появился клуб для дошкольников и младших школьников «Библиотека радости», целью которого стала организация досуга в библиотеке по субботам и во время школьных каникул. Мероприятия проходят в виде творческих, интерактивных и игровых занятий. Программа занятий направлена на реализацию таких задач, как: возрождение традиций семейного чтения;

Игра «По индейской тропе»

организацию культурного досуга семьи в библиотеке; воспитание культуры чтения; привлечение юного читателя через использование нетрадиционных форм работы с книгой; развитие творческих способностей детей. Мероприятия клуба рассчитаны на посещение родителей с детьми от 3-х лет, но зачастую на них

приходят и мамы с грудными малышами, которым самим интересно поучаствовать. Каждая встреча открывает новые таланты, и на свет появляются шедевры из разных материалов. На занятия клуба с удовольствием приходят воспитанники детских садов и учащиеся младших классов.

В течение 8 лет детская библиотека устраивает новогодние праздники для детей города «Праздник чудесный! День новогодний!». Кем только не наряжаются библиотекари! Дед Мороз и Снегурочка, баба Яга и добрый гном, Петрушка и Несмеяна, Царь и Снежная королева всегда готовы удивить и порадовать детей в новогодний праздник. Лекционный зал библиотеки А. Аалто с трудом вмещает всех желающих!

«КЛИКО»

Уже второй год детская библиотека принимает активное участие в городской Ярмарке досуга для детей, устраиваемой 1 сентября возле одной из городских школ. В этот день различные детские организации представляют свои учреждения играми, песнями, спортив-

Командная игра в парке

ными состязаниями и другими формами деятельности, стараясь привлечь внимание к себе родителей, детей и педагогов. Не оказалась в стороне и библиотека. Весёлый клоун-библиотекарь, красочные стенды с необыкновенными детскими книгами издавна привлекали к себе внимание детей, всем желающим раздавались буклеты с рекламой услуг биб-

блиотеки, планами мероприятий на учебный год.

Ежегодно в библиотеке проходят различные конкурсы, праздники, встречи с детскими писателями и издательствами, всего и не перечислить. За 2015 г. в библиотеке проведено 432 мероприятия, которые посетили 10 662 человека.

Писатель Стас Востоков

Интересные мероприятия, грамотно построенная информационная система (реклама в СМИ и интернете) привлекают людей в библиотеку. Но всё-таки самым главным остаётся деятельность библиотекаря, его умение найти нужный подход и к ребёнку, и к родителю, не оттолкнуть юного читателя, поддерживать интерес к книге. Очень хорошо, когда в библиотеке много новых книг. Современные детские книги поражают многообразием, каждое издательство стремится сделать детскую книгу привлекательной. Но как не утонуть в этом книжном море ребёнку, найти нужную и интересную для него книгу? Здесь на первое место выходит детский библиотекарь, как друг и советчик. Он должен быть в курсе всего, чем живёт современный ребёнок, хорошо ориентироваться в мире детских книг. Сотрудники нашей библиотеки читают новую детскую литературу, проводят обзоры лучших новинок для детей, педагогов, воспитателей и родителей. Каждому ребёнку, пришедшему в библиотеку, посоветуют или порекомендуют книгу, опираясь на его интересы. Сложнее всего работа с подростками. Ни для кого не секрет, что в этом возрасте много читателей перестаёт ходить в библиотеку. На первое место выходят другие интересы. Жизнь подростка очень эмоциональна, порой бывает сложнее, чем взрослого, и не каждый может поделиться своими проблемами с родителями. Если читатель давно посещает библи

отеку, то он прислушивается к советам и рекомендациям сотрудников о новых лучших книгах для подростков. Здесь важна индивидуальная работа с каждым читателем. Если библиотекарь удаётся подобрать нужную книгу, то подросток придёт ещё, и будет ходить в библиотеку, не только за книгой, но и за общением.

С 2007 г. в филиале №1 работает детское литературное объединение «Клуб интересных книжных открытий», сокращённо «КЛИКО». Девиз клуба: «Поиск новых идей в мире книг и людей». Клуб объединяет заинтересованных чтением детей и подростков от 8 до 14 лет. В работе используются самые разнообразные формы библиотечной режиссуры и творческой деятельности, организация творческих конкурсов,

Новогодний праздник

участие в проведении библиотечных акций, мероприятий и самое главное — обсуждение прочитанного. Основные задачи: привлечение к самостоятельной творческой деятельности в области литературы, музыки, кино, изобразительного искусства, художественной самодеятельности. Каждый член клуба может проявить свои способности в роли сказочника, писателя, художника, фотографа, журналиста. Ребята участвовали в течение года во всех библиотечных мероприятиях: программах «Книги детства», «Ключи от лета», литературных, интеллектуальных играх, в оформлении выставок, конкурсах «Древо семейного чтения», «Нравится детям Ленинградской области». О жизни клуба рассказывает газета «Радость чтения», издаваемая детьми под руководством библиотекаря.

На всех этапах взросления роль личностного общения с ребёнком очень важна. Ещё ни один ребёнок не отказывался от общения с взрослым, если это общение ему интересно. Так давайте же

делать его интересным! Наша библиотека порой напоминает муравейник или дом культуры советского периода. Жизнь кипит: кто-то читает, кто-то рисует, а вот маленькие дети с родителями в уголке играют, а дети постарше расположились с настольной игрой, а вот пришли ребята показать свой спектакль, спеть песни или почитать стихи. Каждому найдётся занятие по душе. Недавно финские туристы (сотрудники библиотеки) спросили, кто придумывает для нас такие интересные мероприятия, и были очень поражены, что мы сами. Современный библиотекарь в нашей стране может всё!

Свою статью я назвала «Детская библиотека как основная ступень в формировании читателя будущего» не случайно. Если детская библиотека не привлечёт и не вырастит нового активного читателя, ценителя книги и любителя

Ярмарка досуга. 1-е сентября 2016 г.

литературы, взрослая библиотека может потерять его в будущем. И если маленькие дети после проведённого мероприятия, обнимают тебя, а потом за руку приводят своих родителей в библиотеку за книжками, а старшие встречают на улице с улыбкой, значит, мы делаем важное дело, значит, это кому-нибудь нужно.

С автором можно связаться:
marketing@aaltolibrary.ru

О Центральной детской библиотеке города Выборга, её истории и особенностях организации пространства.

Алвар Аалто, библиотечное пространство, библиотечные здания, детские библиотеки

This article is about the Vyborg Central Children's Library, its history and peculiarities of the organization of space.

Alvar Aalto, library space, library building, children's library

*Книга — это духовное завещание
одного поколения другому...
Вся жизнь человечества последова-
тельно оседала в книге;
племена, люди, государства исчеза-
ли, а книга оставалась...*

А. И. Герцен

ФОНД «РЕДКАЯ КНИГА» был выделен в нашей библиотеке в 2006 году. Изучив дореволюционные издания, их состояние и количество, сотрудники библиотеки сформировали коллекцию «Редкая книга». В неё вошли издания из фонда библиотеки, которая открыла свои двери для читателей в 1935 году. В период вхождения Выборгского района в состав Карело-Финской ССР, Библиотека стала Государственной публичной библиотекой этой республики, и небольшая часть этих книг сохранилась в нашей библиотеке. В предвоенный год библиотека являлась филиалом Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, но значимые для любого фонда книги остались у нас. Это, в частности, издания И. Д. Сытина, М. О. Вольфа, А. С. Суворина и несколько томов французского баснописца Лафонтена 1755–1758 гг. издания. Последние представляют собой образец подарочного издания XVIII века — кожаный переплёт, золотой обрез. Книги украшают великолепные графические иллюстрации Ж.-Б. Одри. Размер фолианта 35х55 см., вес 6 кг.

В «Редкую книгу» входят и современные издания. Это книги в кожаных, деревянных и медных переплётках с иллюстрациями, представляющими художественную ценность, и изданные не-

большими тиражами. К ним относится, в частности, «Домострой». В сертификате указывается, что переплёт, каптал и дублёра выполнены вручную, всего таких книг было издано 300 экземпляров. Экземпляры номерные. Это издание — точная копия книги, оригинал которой находится в Российской Государственной библиотеке. Книжки-малютки также входят в редкий фонд. Самые маленькие из них — 1,5 см («Сочинения о любви» в пяти томах).

Выборг — город пограничный, и большая часть коллекции «Редкой книги» в 60–90 годы XX века поступала в наши фонды из таможни как конфискованные при попытке их вывоза за границу. За эти годы фонд пополнился больше чем сотней экземпляров.

Коллекция «Редкой книги» состоит из нескольких разделов:

- Прижизненные издания русских и зарубежных классиков;
- Книги, изданные в годы Великой Отечественной войны;
- Книжки-малютки;
- Книги в необычных переплётках.
- Книги с автографами авторов

В библиотеке постоянно работает выставка «Редкой книги», проводятся экскурсии по истории книжного дела. Мы предоставляем возможность увидеть прижизненные и дореволюционные издания произведений Пушкина, Толстого, Чехова и других авторов. Широкий доступ к таким книгам ограничен в силу их состояния, ведь многим изданиям более 150 лет. На выставках же их можно не только увидеть, но и полистать. Рассказывая о редких книгах, которые являются важной и неотъемлемой частью культурного наследия стра-

С миру — по книжке

Выборгские редкости

Уникальный фонд редких книг Центральной городской библиотеки А. Аалто насчитывает более 1000 экземпляров. По своему содержанию фонд универсален и включает в себя книги по различным отраслям. Это собрания сочинений и отдельные произведения классиков отечественной и зарубежной литературы, словари, энциклопедии. В коллекцию входят книги на русском и на иностранных языках: шведском, финском, английском, немецком, французском и др.

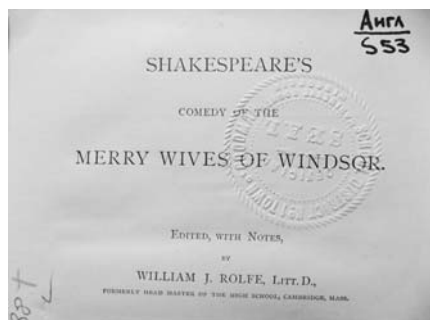

*Ирина Васильевна Федоренко,
заведующая отделом организации и
использования фондов МАУК
«Библиотека А.Аалто»*

ны, мы приобретаем подрастающие поколения к мировой и отечественной культуре, через историю книги развиваем интерес к истории своей страны, способствуем сохранению культурных ценностей и традиций.

Во время экскурсий мы рассказываем и об издателях, которые являлись просветителями народа. Многие сочинения без них никогда бы не вышли в свет. Издатели развивали вкус к тому или иному разделу науки или литературы, формировали читателей, помогали собирать личные библиотеки. Всё это способствовало распространению грамотности и воспитывало бережное и уважительное отношение к книге.

У каждого издателя были свои приёмы. К примеру, Новиков Николай Иванович, чтобы приобщить малограмотного человека к чтению, начал издавать приключенческие романы, песенники, а почувствовав нарастающий интерес к естественным наукам, стал издавать книги по этим направлениям. Маркс Адольф Фёдорович всем, подписавшимся на литературно-художественный журнал «Нива», предлагал в качестве бесплатного приложения собрания сочинений русских или зарубежных писателей. Основным в издательской деятельности Ивана Дмитриевича Сытина были лубочные картинки, письмовники, оракулы, недорогие книжки. Получив разрешение на издание календарей, он занялся этим направлением, и вскоре ка-

лендари (более 25 видов) стали основной продукцией его издательства. На протяжении многих лет издатели, изучая читательские интересы, искали «белые пятна» на книжном рынке, заполняли их, позволяли тысячам русских людей приобщиться к родной литературе, поставить томики сочинений крупнейших писателей на полки личной библиотеки.

Работая в тесном сотрудничестве с архитекторами над проектом реставрации библиотеки, мы тщательно выбирали место хранения для фонда редкой книги, чтобы соблюсти все необходимые требования по должному содержа-

нию важнейшей части нашей книжной коллекции. Одновременно мы решали несколько задач: фонд должен был находиться вдали от солнечных лучей, разрушительно действующих на бумагу, но в то же время недалеко от входа в книгохранилище, так как мы изначально планировали рассказывать о фонде нашим пользователям. С одной стороны, мы хотели организовать постоянно действующую выставку, на которой бы были представлены уникальные издания из наших коллекций, с другой — мы должны были защитить эти книги от вандализма и воровства, обеспечить им необходимый температурно-влажностный режим хранения. В настоящее время помещение для редкого фонда отгорожено от основного хранилища огнеупорным стеклом; внутри, кроме расставочных стеллажей, установлены и выставочные. Таким образом, мы имеем возможность демонстрировать редкие книги, менять экспозиции, но в то же время издания надёжно защищены от пагубных воздействий. В 2009 г. библиотекой был подготовлен и издан каталог выставки «Редкие книги библиотеки А. Аалто», в настоящее время он представлен на нашем сайте. Постоянно действующая выставка, расположенная в

помещении книгохранилища, является частью экскурсии по уникальному зданию библиотеки А. Аалто. Очень интересны штампы книг, по которым можно проследить и историю самой книги, и историю библиотеки, историю пополнения её фондов.

Работа с редкой книгой содействует поддержанию высокого престижа страны за рубежом, расширению международного культурного сотрудничества. В 2006 г. Институт Южной Карелии в сотрудничестве с региональной библиотекой города Лаппеенранта и центральной городской библиотекой А. Аалто организовал выставку «Выборгские редкие книги». Она проходила в библиотеке города Лаппеенранта (Финляндия). Цель выставки — раскрытие редкого фонда библиотеки А. Аалто. Учитывая, что на ней были представлены дореволюционные издания XVIII–XIX вв., выставка получилась резонансной и интересной для финских читателей. Они смогли увидеть, каким был уровень по-

лиграфической продукции в далёком прошлом, какие книги пользовались повышенным интересом у русских читателей. Отзывы о выставке оставляли не только рядовые читатели, но и сотрудники финского университета. К примеру, профессор Кай Экхольма, старший научный сотрудник Людмила Вавулинская, профессор Калле Миккельсен, писатель Арви Пуртту.

Знакомство с наследием издателей-просветителей, уникальными книгами, входящими в нашу коллекцию, позво-

ляет увидеть, как менялась книга на протяжении столетий. Эти знания помогают поддержать традицию чтения в семье и передают культуру России от поколения к поколению.

В 2016 г. библиотека подала заявку на участие в Федеральной целевой программе «Культура России 2012–2018 годы» на 2017 год по направлению «Организация и развитие системы консервации документов Национального библиотечного фонда. Обеспечение сохранности документов обладающих признаками «Книжных памятников». В данной заявке мы рассчитывали на полноценную реставрацию двух книжных памятников:

1. «Экономический магазин». Издан Новиковым Н. И. в типографии Московского Университета в 1780 году (Обладает признаком «Книжных памятников».)

2. Пушкин А. С. Сочинения. Т. 3. Издательство Типографии Заготовления Государственных бумаг, 1838 год (подписан к печати в апреле 1837 года, спустя несколько месяцев после гибели поэта. Некоторые материалы для этого тома были отобраны автором в последние недели жизни. Может обладать признаком «Книжных памятников».)

Заявка была принята к рассмотрению и в августе этого же года к нам в библиотеку приехала группа реставра-

торов Российской Государственной библиотеки. В течение двух дней они проводили обследование фонда редкой книги и фонда краеведческой литературы, выборочно изучили общий фонд открытого доступа взрослой и детской библиотек, а также фонд книгохранилища на предмет заплынности. Были проведены микробиологические обследования книг и помещений, а также проверено энтомологическое состояние книг и помещений. Результаты обследований по-

казали, что заплынность фонда минимальная, и это хороший показатель ежедневной кропотливой работы с фондом как технического персонала библиотеки, так и библиотекарей, отвечающих за расстановку. Совместно с заведующей отделом организации и использования фондов И. В. Федоренко группа реставраторов из РГБ составила паспорта ещё на 15 редких книг из фонда. Мы очень надеемся, что проделанная большая ра-

бота получит логическое завершение, будут выделены средства на реставрацию всех 17 книг из редкого фонда библиотек А. Аалто, что эти издания займут достойное место на постоянно действующей выставке и прослужат нашим читателям ещё многие и многие десятилетия.

С автором можно связаться:
marketing@aaltolibrary.ru

Об уникальной коллекции редких книг из фондов Центральной городской библиотеки А. Аалто города Выборга.

Библиотека Аалто, библиотечные фонды, редкие книги, история книги

This article is about a unique collection of rare books from the funds of the Vyborg Central City Library.

Aalto library, library funds, rare books, the history of books

Уно Ульберг — архитектор Карелии

15 февраля 2017 г. в выборгской библиотеке Алвара Аалто открылась выставка, посвящённая выдающемуся финскому архитектору Уно Ульбергу.

Уно Ульберг (Uno Ullberg, 1879–1944) был ведущим финским архитектором своего поколения. Он родился в Выборге, и большая часть его многочисленных архитектурных проектов была реализована в Карелии, преимущественно в Выборге, а также в Сортавале, Какисалми (Приозерск), Иматре, на Карельском перешейке, в Йоханнесе (Советский) и в Энсо (Светогорск).

Его творческая деятельность началась в первом десятилетии XX века. В ней отразились важнейшие этапы развития современных ему архитектурных направлений: модерн, неоклассические искания и функционализм 1920–1930-х годов. В связи с рядом обстоятельств творчество этого талантливого выборгского архитектора в достаточной мере ещё не изучено и не получило освещения в искусствоведческой литературе. Творческая био-

графия архитектора слилась воедино с «каменной летописью» родного ему города. Он стал первым активным защитником архитектурной старины Выборга.

В 1906 г. У. Ульберг с товарищем по учебе А. Гюльденом основал в Выборге архитектурное бюро.

В 1926 г. в Выборге состоялся съезд архитекторов северных стран, на котором постройки У. Ульберга получили высокую оценку. Ему удалось, по существу, воссоздать эпоху расцвета в истории средневекового Выборга.

С 1931 по 1936 г. У. Ульберг занимал пост городского архитектора. Творчество зодчего отличалось редким многообразием. Он проектировал в Выборге жилые и общественные здания. У. Ульберг скончался в Хельсинки. Надгробный памятник на его могиле выполнен по проекту академика, архитектора с мировым именем Алвара Аалто.

Передвижная выставка «Уно Ульберг — архитектор Карелии» пройдёт в выборгской библиотеке Алвара Аалто с 15 февраля по

2 апреля 2017 года. Впервые выставка была экспонирована в Сайменском университете прикладных наук в Иматре (Финляндия) 02.12.2016–31.01.2017, после Выборга она будет представлена в Сортавальской районной библиотеке (12.04–31.05.2017) и Институте Финляндии в Санкт-Петербурге.

Выставка организована Институтом Финляндии в Санкт-Петербурге при участии Сайменского университета прикладных наук, Городской библиотеки Выборга и Сортавальской районной библиотеки.

Графическое оформление выставки — архитектор Томми Линдгрэн. Печать и техническое оснащение — компания «Maxbit Finland Feelfree Oy» и издательство «Vammalan kirjapaino».

ИРИНА ТКАЧЕНКО, НАТАЛЬЯ ИГНАТЕНКО

Человек, влюблённый в профессию

Обновленская и её обновлённая библиотека

29 марта 2017 года исполняется 55 лет директору Научной библиотеки Ставропольского государственного аграрного университета Марине Васильевне Обновленской.

*Библиотекарь — это не призвание,
А состояние особое души...*

Е. Матвеева

ИЗ МНОЖЕСТВА интересных и нужных профессий Марина Васильевна выбрала для себя профессию библиотекаря и осталась ей верна на протяжении всей своей трудовой деятельности. Окончив с отличием в 1986 г. Дагестанский государственный университет по специальности «Библиография и библиотекосведение», она уже много лет работает в Научной библиотеке Ставропольского ГАУ, пройдя путь от ведущего библиотекаря до директора библиотеки.

Коллектив библиотеки Марина Васильевна возглавила в 2011 году. Главной своей задачей, как директора библиотеки, она поставила увеличение показателей посещаемости и использования ресурсов научной библиотеки пользователями университета. С этого времени произошёл новый качественный скачок, стремительное изменение сущности библиотечной деятельности и библиотеки в целом. Под её руководством в Научной библиотеке сформировалась команда профессионалов, владеющих современными знаниями, умениями и навыками. Научная библиотека Ставропольского ГАУ приступила к автоматизации информационного обслуживания пользователей. Был получен доступ к электронным библиотечным системам «Лань», «Znanium.com», а также к зарубежным и отечественным научным ресурсам: «Web of Science», «Scopus», Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU (РИНЦ), электрон-

ной библиотеке диссертаций Российской государственной библиотеки, внедрена система свободного использования интернет-ресурсов для пользователей Научной библиотеки, создана зона Wi-Fi.

По инициативе Марины Васильевны в 2011 г. был запущен проект «Библиографическая поддержка публикационной деятельности авторов». С этой целью в структуре библиотеки университета появилось новое подразделение — отдел научного цитирования. Университет заключил договор о предоставлении лицензии на работу в информационно-

В рабочем кабинете

аналитической системе «Science Index» РИНЦ, что позволило значительно повысить наукометрические показатели Ставропольского агроуниверситета. Опыт создания этого отдела был представлен на I Всероссийском конкурсе библиотечных инноваций и отмечен дипломом. В 2016 г. при непосредственном участии Марины Васильевны Научная библиотека получила свидетель-

Ирина Викторовна Ткаченко, заведующая Информационно-библиографического центра Научной библиотеки Ставропольского государственного аграрного университета

Наталья Анатольевна Игнатенко, главный библиограф Информационно-библиографического центра Научной библиотеки Ставропольского государственного аграрного университета

ство о регистрации средства массовой информации «ЭБС Ставропольского ГАУ» и свидетельство о государственной регистрации базы данных «ЭБС Ставропольского ГАУ».

Кроме того Марина Васильевна позаботилась и о создании привлекательного имиджа библиотеки: введена система единого окна обслуживания, бук-кроссинг, приобретена удобная мебель,

Выступление на региональной научно-практической конференции «Вузовская библиотека XXI века перспективы развития». Ставрополь

регулярно проводятся акции для студентов, такие как «Самый читающий студент», «Декада прощения», «День сладкоежки» и другие. Лучшим читателям библиотеки вручаются призы и подарки. Это лишь краткий перечень того, что сделано под её руководством.

Марина Васильевна Обновленская с ректором СтГАУ академиком РАН, профессором Владимиром Ивановичем Трухачёвым

Нельзя не упомянуть и о личных качествах Марины Васильевны. Она — человек неутомимой энергии, талантливый организатор и требовательный руководитель. Смело поддерживает любую инициативу, поражает своей трудоспособностью и увлеченностью выбранным делом.

В стенах вуза занимает активную жизненную позицию, участвует в общественных мероприятиях и конкурсах, поднимая престиж библиотеки. В 2011 г. по итогам спартакиады сотрудников Ставропольского ГАУ была награждена почетной грамотой за 2-е место по

плаванью в личном первенстве (среди женщин). В 2015 г. одержала победу в конкурсе профессионального мастерства работников ФГБОУ ВО Ставропольский ГАУ «Идеальный сотрудник-2015» в номинации «Лучший менеджер». Её профессиональная деятельность отмечена грамотами и наградами различных Министерств и ведомств.

Марина Васильевна Обновленская непрерывно повышает своё профессиональное мастерство, участвует в научно-практических конференциях, семинарах регионального, российского и Международного уровня.

Обладая огромным опытом и знаниями, умением нестандартно, творчески подходить к любому делу, талантом организатора, способствует внедрению всего нового и передового в работу не только своей библиотеки, но и библио-

С зарубежными гостями в музее редкой книги Научной библиотеки Ставропольского ГАУ тек города. Коллеги со всего региона обращаются за помощью в научную библиотеку Ставропольского ГАУ и всегда находят понимание со стороны М. В. Обновленской.

Марина Васильевна — заботливая жена, мама и бабушка. Она вырастила двух замечательных детей. Дочь Татьяна — директор дома культуры посёлка Архипо-Осиповка Краснодарского края. Профессионально занимается танцами, победитель и призёр многочисленных конкурсов по спортивным бальным танцам. Сын Андрей — тоже творческая личность. Окончил музыкальную школу

Марина Васильевна Обновленская с сыном Андреем

по классу гитары, занимается спортом, готовится к поступлению в университет. Внук Данил — ученик пятого класса, любитель бабушки.

Увлечения Марины Васильевны Обновленской

В свободное от работы время Марина Васильевна любит путешествовать, увлекается туризмом, плаванием. Особая её страсть — горы, где она черпает вдохновение и отдыхает от рабочих будней.

От всего коллектива Научной библиотеки СтГАУ поздравляем Марину Васильевну с юбилеем. Желаем крепко-

Путешествия Марины Васильевны Обновленской

го здоровья, долгих лет плодотворной работы, личных творческих успехов. Хотим, чтобы работа была Вам в радость, чтобы Вы всегда продолжали любить жизнь, а вдохновение никогда не покидало Вас. Мы счастливы, что работаем рядом! Всего самого наилучшего!

С авторами можно связаться:
bibl7@mail.ru

Статья к 55-летию директора Научной библиотеки Ставропольского государственного аграрного университета Марины Васильевны Обновленской.

Библиотечная профессия, библиотеки вузов, научные библиотеки

This article is dedicated to the 55th anniversary of director of Library of the Stavropol State Agrarian University.

Library profession, university libraries, scientific libraries

МАРИНА КРАВЧЕНКО

Дон — особое кинематографическое пространство

Работа ростовских библиотек в Год российского кино

Год российского кино стал для ростовских библиотек временем новых достижений и открытий в просветительской и поисковой деятельности. Наверняка, это объясняется прежде всего тем, что Донская земля — особое кинематографическое пространство.

НАЧНЁМ С ИСТОКОВ. Одним из родоначальников отечественного кинематографа является наш земляк — Александр Алексеевич Ханжонков (ему в следующем году исполняется 140 лет). Детство и юность Александра Алексеевича прошли в Ростове-на-Дону. Именно здесь молодой Ханжонков впервые посетил синематограф и был потрясён зрелищем, определившим его судьбу.

Александр Ханжонков создал крупнейшее в Российской империи кинопредприятие, стоял у истоков знаменитой Ялтинской киностудии, был инициатором издания первого в России журнала о кино. В фильмах Ханжонкова снимались звёзды немого кино — Иван Мозжухин и Вера Холодная. В августе 2016 г. в Ростове-на-Дону напротив того места, где до революции находилась мужская гимназия, в которой учился юный Ханжонков, был установлен памятник «пионеру российского кино». Скульптурную композицию, автором которой явился ростовчанин С. Н. Олешня, открывали в рамках проходившего в то время в городе Международного кинофестиваля «Мост искусств». На церемонии открытия памятника присутствовали представители областной и городской администраций, творческая интеллигенция города, сотрудники учреждений культуры, в том числе работники ростовских библиотек. Приехали на мероприятие и столичные гости: актрисы Ирина Безрукова, Алена Бабенко, наш земляк, известный телеведущий и журналист Дмитрий Дибров.

Вообще, с Доном тесно связаны происхождение и творческие судьбы многих звёзд отечественного кино разных

поколений. Это и Ростислав Плятт, и Фаина Раневская, и Александр Кайдановский, и Аристарх Ливанов, и Анна Самохина, и Константин Лавроненко, и Сергей Жигунов.

Юные читатели КБЦ им. Шолохова на мероприятии, посвящённом фильму «Нахалёнок»

Донской край никогда не оставался в стороне от бурных кинематографических событий. В разное время Ростовская область становилась съёмочной площадкой для множества отечественных фильмов. Наиболее знамениты из них, конечно, экранизации произведений корифеев донской литературы — М. А. Шолохова и А. В. Калинина (вспомним непревзойдённый «Тихий Дон» Сергея Герасимова и всенародно любимого «Цыгана» с Кларой Лучко и Михаём Волонтиром). Другие киноработы также имели немалый успех у отечественного зрителя. На Донской земле снимались такие знаменитые фильмы, как «Грачи» (1982, реж. Константин Ершов), «Из жизни начальника уголовного розыска» (1983, реж. Степан Пучинян), «Ростов — папа» (2001, реж. Кирилл Серебренников), и, конечно, недавно нашумевший сериал «Однажды в Ростове» (2012, реж. Константин Худяков).

Ростовские библиотеки готовились к Году российского кино ответственно и

Марина Валерьевна Кравченко, главный библиотекарь организационно-методического отдела Центральной городской библиотеки им. Горького МБУК Ростовская-на-Дону городская ЦБС

тщательно. Ещё в конце 2015 г. на одном из библиотечных семинаров по повышению квалификации было решено будущий год провести под знаком киномарафона «Красная дорожка кинопроката-2016». Этот проект предполагал осуществление библиотеками различных традиционных и инновационных форм работы по популяризации среди читателей «важнейшего из всех искусств».

Почти закончился Год кино. Своеобразным подведением его итогов стали два больших библиотечных мероприятия в рамках СПК.

Сразу же необходимо сказать, что прозвучавшие на этих мероприятиях

Премьера фильма «Еланский плацдарм» в БИЦ им. Гагарина (режиссёр Эдуард Анищенко — в первом ряду справа).

выступления представляли собой результат большого исследовательского труда библиотекарей по истории создания киноверсий талантливых произведений донских авторов, а также по популяризации наиболее ярких имён кинематографистов, связанных с Доном.

Первое из этих мероприятий — Краеведческие чтения «Они прославили наш край...» — было посвящено экранизациям произведений донских писателей.

Так, представляя шедевры отечественной киноклассики «Донская повесть», «Нахалёнок», «Смертный враг», «Непрошенная любовь», созданных по «Донским рассказам» М. А. Шолохова, А. А. Прасько, заведующая сектором краеведческого библиотечного центра им. Шолохова, обратила внимание на то, с какой ответственностью и высоким профессионализмом создавались фильмы в достопамятные советские времена. Высокий художественный уровень фильмов донского цикла, яркая запоминающаяся образность, потрясающе точно воссозданная атмосфера эпохи, — всё это стало возможным благодаря филигранному мастерству кинематографического коллектива. Стоит лишь вспом-

нить, что сценарии ко всем фильмам писал настоящий мастер (как сейчас сказали бы: «профи») — лауреат Государственной премии, заслуженный деятель искусств РСФСР Витоль Арнольдович Янович, а режиссёрами были такие таланты, как В. Монахов и Е. Матвеев. Впечатляет и звёздный актерский состав: в этих фильмах заняты неподражаемые Евгений Леонов, Людмила Чурсина, Жанна Прохоренко, Иван Лапиков, Юрий Назаров.

На мероприятии уделили внимание и экранизациям произведений писателей-юбиляров. Так, В. В. Селин, библиотекарь читального зала центральной городской библиотеки им. Горького, посвятил своё выступление одному из самых ярких творений А. В. Калинина (столетие этого замечательного писателя мы торжественно отметили в конце августа 2016 года). Повесть «Возврата нет», которую представил выступающий, — это удивительный пример орга-

Выступление о повести А. В. Калинина «Возврата нет».

ничного сюжетного переплетения военно-патриотической тематики и привлекательной для многих качественной мелодрамы. То же самое можно сказать и об одноименной экранизации, которая была осуществлена в 1973 г. режиссёром А. Салтыковым. Главную роль в этом замечательном фильме сыграла Нонна Мордюкова, которая, воплотив на экране образ Антонины Кашириной, была признана в 1974 г., по результатам опроса журнала «Советский экран», «Лучшей актрисой года». Кстати, как сообщил докладчик, у героини повести А. Калинина, оказывается, имелся прототип — Мария Степановна Каширина, землячка писателя, очень деятельная женщина с трудной драматической судьбой.

2016 год ознаменован ещё одним юбилеем. Донскому писателю, поэту и

драматургу Анатолию Владимировичу Софронову исполнилось 105 лет.

По мнению многих литературных критиков, наибольшую ценность в наследии А. В. Софронова представляет песенное творчество. Действительно, им написаны тексты к десяткам популярных в советское время песен. Весьма плодотворно Анатолий Софронов сотрудничал с композиторами Семёном Заславским, Матвеем Блантером. Пес-

Выступление о А. Кайдановском

ни на его стихи в разные годы исполняли Вадим Козин, Ольга Воронец, Майя Кристалинская, Иосиф Кобзон, Нани Брегвадзе. Анатолий Софронов является автором двух гимнов. Первый из них — гимн Брянской области «Шумел сурово Брянский лес». А второй — официальный гимн донской столицы «Ростов-город, Ростов-Дон». В своё время А. В. Софронов был известен и как блестящий драматург. Его перу принадлежат около 50 пьес, которые с успехом шли в театрах страны, в том числе и в Ростовском драматическом театре. Некоторые из них были экранизированы. Особенной народной любовью пользовался фильм «Стряпуха» по одноименной пьесе А. В. Софронова. Истории этой экранизации было посвящено выступление Н. В. Дроздовой, заведующей абонементом центральной городской библиотеки им. Горького.

Создал «Стряпуху» известный советский режиссёр Эдмонд Кеосаян, автор фильмов о неуловимых мстителях. Кстати, именно он в своей комедии «Стряпуха» открыл кинематографическому миру будущих звёзд: Светлану Светличную и Владимира Высоцкого. В 1966 г. «Стряпуха» стала одним из лидеров советского проката и вошла в десятку самых посещаемых фильмов. Интересно мнение известной актрисы Инны Чуриковой о феномене популярности этого фильма: «Я даже удивляюсь, как Кеосаян, который всё-таки по»

происхождению армянин, снял такой замечательный фильм о русской деревенской жизни. Мне очень нравится там музыка Мокроусова, мне нравится работа оператора. Есть в этом фильме душа...» Надо отметить, что все песни, звучащие в кинофильме «Стряпуха», написаны Анатолием Софроновым.

Ростов-на-Дону — родина многих талантливых литераторов. Так, уроженкой донской столицы является очень знаменитая в советские времена писательница Вера Панова.

Выступление И. К. Пуговкиной

Веру Фёдоровну Панову называли мастером психологической прозы. Вместе с тем сюжеты её произведений отличались увлекательностью и пронзительной эмоциональностью. Может быть, именно поэтому многие из них экранизированы. Экранизации творений Веры Пановой любимы как зрителями, так и кинокритиками. Например, кинолента «Сережа» по результатам опроса, проведённого журналом «Советский экран», была признана лучшим фильмом 1960 г., а также получила на XII Международном кинофестивале в Карловых Варах главный приз — «Хрустальный глобус»; фильм «Проводы белых ночей» стал культовым для нескольких поколений ленинградцев, а «Сентиментальный

роман» получил специальный приз жюри на Международной кинофестивале в Западном Берлине.

На Краеведческих чтениях «Они прославили наш край...» о творчестве Веры Пановой и экранизациях её книг рассказывала О. М. Павленко, сотрудник библиотечно-информационного центра им. Чернышевского. Особое внимание она уделила экранному воплощению одного из лучших творений писательницы — повести «Спутники». Интерес к этому произведению, посвященному жизни медицинских работников в санитарном поезде в годы войны, всегда был очень высок. Неслучайно эта повесть экранизировалась неоднократно, в последний раз в 2014 году.

Трепетное внимание к духовной жизни простого человека всегда отличало произведения В. Пановой. Это касается в полной мере самой известной повести писательницы «Евдокия» и её одноименной экранизации. Сюжет «Евдокии» был писательнице подсказан наблюдениями за одной из реалий времени: в послевоенные годы многие семьи брали на воспитание сирот. Тема, поднятая писательницей, была очень актуальной. И в 1961 г. молодой режиссёр Т. Лиознова экранизировала повесть. Главную роль с большим успехом в этом фильме исполнила известная киноактриса Людмила Хитяева.

Не стоит скрывать, что далеко не все творения даже талантливых авторов широко известны.

Виталий Александрович Закруткин — очень выразительный писатель, творец запоминающихся образов. Знакомы многим из нас экранизации таких его произведений, как «Млечный путь», «Матерь человеческая», «Подсолнух». Однако настоящим открытием для участников Краеведческих чтений стало выступление О. В. Степановой, заведующей сектором библиотеки им. Листопадова, посвящённое киноповести «Без вести пропавший».

Данное произведение было опубликовано в 1957 г. в журнале «Дон» и в том же году получило воплощение на экране. Режиссёром кинокартины стал известный в то время украинский режиссёр Исаак Шмарук. Сценарий написал сам Виталий Закруткин.

«Без вести пропавший» — фильм с напряжённой драматической фабулой.

В центре киноповествования — трагическая судьба советского офицера, оказавшегося в годы войны в Чехии и участвовавшего в партизанском движении. Для фильма характерны динамический, почти в жанре «экшн», сюжет, патристический пафос, экспрессивность актёрской игры. О содержании киноленты «Без вести пропавший», её художественных особенностях участники Краеведческих чтений имели возможность составить представление благодаря просмотру наиболее ярких фрагментов фильма.

Романтика мальчишеских приключений, неповторимый колорит провинциального южного городка, искренность верной дружбы и трепет первой любви — всё это в избытке присутствует как в цикле повестей об Артемке таганрогского писателя Ивана Дмитриевича

Дом на Газетном, 32, мемориальная доска А. Кайдановского

Василенко, так и в фильмах «Приключения Артёмки», «Волшебный круг», «Золотые туфельки». Об этих повестях и фильмах рассказала заведующая сектором библиотечно-информационного центра БИЦ им. Гагарина — Л. Р. Степаньян. Особенно подробно она остановилась на творческих судьбах актёров, снимавшихся во всенародно любимых экранизациях повестей И. Д. Василенко. (Например, известно о том, что Тито Ромалио, исполнитель роли обаятельного негра-циркача Чемберса Пепса, жив и здоров до сих пор, несмотря на свои 92 года.)

Участники Краеведческих чтений с удовольствием посмотрели отрывки из трёх экранизаций повестей И. Василенко и пришли к общему мнению что, несмотря на неизменную для произведений социалистического реализма идеологическую ангажированность, эти фильмы являются подлинными образчиками семейного кино, которого сего-

дня так не хватает российскому зрителю.

Тема «Дон кинематографический» оказалась настолько интересна и неисчерпаема, что получила продолжение в рамках ещё одного крупного мероприятия по повышению квалификации.

День творческого общения «Красная дорожка библиотечного кинопроката» одна из сотрудниц библиотек назвала «каскадом исследовательских изысканий и краеведческих открытий». С этим трудно не согласиться, поскольку это мероприятие отличалось глубокой содержательностью.

«Сталкер из Ростова-на-Дону» — так называлось выступление заведующей сектором читального зала центральной городской библиотеки им. Горького Ю. М. Новиковой, посвящённое выдающемуся российскому актёру, режиссёру Александру Леонидовичу Кайдановскому, которому исполнилось бы в этом году 70 лет.

Ростовчане и гости города на открытии памятника А. А. Ханжонкову

Ростовчане могут по праву гордиться тем, что их земляком является человек, которого считали равней себе Марчелло Маттеони, Сергей Параджанов, Никита Михалков, Андрей Тарковский. Критики называли его самым загадочным актёром столетия, собраты по актёрскому ремеслу свидетельствовали о его духовном аристократизме, почитатели таланта удивлялись его редкой эрудиции. И все утверждали, что этот человек обладает завораживающим магнетизмом пришельца из нездешних миров.

Вклад Александра Кайдановского в развитие отечественного кинематографа весьма заметен. Он снялся более чем в 50 фильмах (среди них такие хиты, как «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Пропавшая экспедиция», «Десять негрятят»), являлся режиссёром 11 кинолент (его фильм — «Жена керосинщи-

ка» получил Гран-при как самый «странный фильм» на Международном кинофестивале фантастических фильмов в Авориазе). Звёздным часом его актёрской карьеры стала роль Сталкера в одноимённом фильме Андрея Тарковского.

В Ростове-на-Дону, в одном из старых переулков, есть дом (пер. Газетный, 32), где жил Александр Кайдановский. Здесь установлена мемориальная доска. Именно она стала в своё время отправной точкой для поисково-исследовательской деятельности сотрудников читального зала центральной городской библиотеки им. Горького в рамках проекта по краеведческому туризму «Мой город — сказочный музей». На сегодняшний день библиотекарями создана информационная продукция: видеоролик «Дом на Газетном, 32», электронная презентация «Свой среди чужих», библиографический список «Ростовский Сталкер», информационный буклет «Актёр, режиссёр, сценарист». Среди собранного специалистами читального зала материала о жизни и творчестве Александра Кайдановского особую ценность представляет текст эксклюзивного интервью с первой женой актёра — Ириной Анатольевной Кайдановской (эксклюзивного, потому что данное интервью нигде не публиковалось, а беседовала с Ириной Анатольевной работник читального зала ЦГБ им. Горького).

День творческого общения «Красная дорожка библиотечного кинопроката» стал не только мероприятием, обобщающим опытом осуществляемой деятельности, но и форумом, открывающим новые имена.

Так, заведующая сектором абонемента ЦГБ им. Горького — Г. А. Вертева рассказала об одной библиотечной сенсации.

Оказалось, что одним из читателей библиотеки является отец российского актёра и режиссёра Виктора Шамирова (многие помнят его роли в фильмах «1612», «Чудо»). Эта новость вызвала большой энтузиазм у работников библиотеки, и Валерий Михайлович Шамиров был приглашён на заседание библиотечного литературного клуба «Отклик». На этом мероприятии читатели библиотеки узнали о творческом пути талантливого кинематографиста, чьи

фильмы критики относят к интеллектуальному кино. Валерий Михайлович рассказал о работе сына над такими заметными кинолентами, как «Упражнения в прекрасном», «Дикари», «Чай, кофе, потанцуем», о том, что фильм «Со мною вот что происходит» получил Гран-при 20-го фестиваля русского кино в Онфлёре (Франция). Со своей стороны библиотекари приготовили киноколлаж, состоящий из фрагментов актёрских и режиссёрских работ Виктора Шамирова. Надо заметить, что встреча получилась очень плодотворной: у завсегдатаев клуба не только появилась возможность гордиться ещё одним

Виктор Шамиров

своим талантливым земляком, но и возник интерес к теме «Российское авторское кино».

Замечательное творческое сотрудничество сложилось у библиотечно-информационного центра им. Гагарина с ростовским режиссёром-документалистом Эдуардом Анищенко, автором трёхсерийного фильма о тайне перевала Дятлова «Неоконченный маршрут», который получил Золотой диплом на международном фестивале горных и приключенческих фильмов «Вертикаль» в номинации «Лучший российский фильм среди профессиональных фильмов». Сотрудничество БИЦ им. Гагарина и знаменитого режиссёра началось в 2013 г. и примечательно оно тем, что вот уже второй год библиотека становится премьерной площадкой для киноработ Эдуарда Анищенко. Так, в 2016 г. одно из библиотечных мероприятий было посвящено киноленте «Еланский плацдарм». ▢

Основой сценария этой киноленты о событиях, происходивших на Дону в грозные военные годы, стала «Повесть о солдатах и комбатах» непосредственного участника боёв на Еланском направлении Н. М. Грибачева. В съёмках фильма приняли участие жители станицы Еланской и хутора Краснояровского. Посмотреть и обсудить фильм «Еланский плац-

Кадр из фильма «Стряпуха»

дарм» собрались в библиотеке ветераны войны, а также представители городских клубов военно-исторической реконструкции «Донской фронт» и «Реставратор», которые пришли на мероприятие в гимнастерках времен Великой Отечественной войны, сшитых по архивным эскизам из специально заказанного материала. Кроме этого, клубы военно-исторической реконструкции организовали выставку оружия периода 1941–1945 годов. Второй громкой премьерой стал показ фильма-поэмы «Стенька Разин», созданного по мотивам романа Алексея Чапыгина «Разин Степан» и поэмы «Стенька Разин» ростовского поэта Давида Экизова. На этом мероприятии вместе с Эдуардом Анищенко присутствовала творческая группа создателей фильма, а также члены военно-исторического клуба «Казачья слава» из

Кадр из фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих»

древнего донского города Азова, которые принимали участие в съёмках фильма. Необходимо заметить, что обе премьеры вызвали аншлаг. Кроме постоянных читателей библиотеки, мероприятия посетили солдаты срочной службы гарнизона охраны Ростовского

вертолётного завода, а также гости из Новочеркасска, Таганрога, Азова, Шахт. Видеосюжеты о премьере фильмов были показаны в новостных каналах донских телерадиокомпаний.

Подлинным событием 2016 г. для ростовских библиотек стало знакомство с членом Союза кинематографистов России, основателем Центра Михаила Пуговкина, вдовой «короля советской комедии» — И. К. Пуговкиной, которая в настоящее время проживает в Ростове-на-Дону. Ирина Константиновна в течение всего года была желанной гостьей многих библиотечных мероприятий. Её рассказы о всенародно любимом артисте, демонстрация редких материалов из семейного архива надолго останутся в памяти сотрудников и читателей библиотек.

Благодаря Ирине Константиновне стали известны потрясающие, малоизвестные факты биографии выдающегося артиста. Например, то, что Михаил Пуговкин семнадцатилетним мальчишкой ушёл на фронт добровольцем, имел звание старшего сержанта взвода и некоторое время воевал в армии Южного фронта под Ростовом-на-Дону, едва не потерял ногу в результате серьёзного ранения. К тому же приоткрылась завеса неотразимого обаяния всенародного любимца: Михаил Иванович, зачастую во-

Кадр из фильма «Донская повесть»

площавший на экране образы симпатичных проходимцев и шалопаев, в обыденной жизни был человеком глубоко порядочным, высококультурным и даже искренне верующим (и это несмотря на окружающую атеистическую действительность).

В свою очередь ростовские библиотеки (особенно значителен вклад библиотечно-информационного центра им. Чернышевского) с большим энтузиазмом оказывали помощь И. К. Пуговкиной в организации экспозиций музея актера, подборе материала к выпуску плаката «Мы гордимся ростовскими ки-

нематографистами», в сборе экспонатов «Наш Михаил Пуговкин» для выставки городской экспозиции «Арт-Ростов» в выставочном комплексе «Росвертол». Также специалисты и читатели ростовских библиотек стали участниками городских мероприятий, популяризирующих творчества легендарного артиста. Это и праздник ко Дню семьи, любви и верности, состоявшийся на Театральной

Кадр из фильма «Евдокия»

площади, где была организована выставка, посвящённая М. Пуговкину. Это и творческий вечер Ирины Константиновны в Центре Михаила Пуговкина (ДК завода «Ростсельмаш»). Наконец, это 17-й ретро-кинофестиваль «Виват, комедия!» имени Народного артиста СССР Михаила Пуговкина, который состоялся в донской столице осенью 2016 года.

Закончился Год кино. Но любовь ростовчан к прекрасной Десятой Музе неисчерпаема. Кинематографическая тематика притягательна. А встречи с миром кино всегда желанны. Например, в 2017 г. планируется встреча работников и читателей ростовских библиотек с гостем донской столицы, выпускником Ростовского театрального училища, заслуженным артистом России, бывшим директором театра на Таганке Николаем Дупаком. Мы возлагаем большие надежды на эту встречу и думаем, что знакомство с этим замечательным человеком обогатит наши познания в области отечественного театра и кино.

С автором можно связаться:
omo@donlib.ru

Статья по итогам Года российского кино в библиотеках Ростовской области.

Год кино, Ростов-на-Дону, библиотечные проекты

The results of the Year of Russian cinema in the libraries of the Rostov region.

Year of cinema, Rostov-on-Don, library projects

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО»

Фирсов Владимир Руфинович, заместитель генерального директора Российской национальной библиотеки,
доктор педагогических наук, председатель редакционной коллегии

Басов Сергей Александрович, заведующий научно-методическим отделом библиотекосведения Российской национальной библиотеки,
кандидат педагогических наук, заместитель председателя редакционной коллегии

Госина Людмила Игоревна, ведущий научный сотрудник Библиотеки по естественным наукам Российской академии наук,
доктор филологических наук

Добружина Светлана Александровна, директор Федерального центра консервации библиотечных фондов Российской национальной библиотеки, доктор технических наук

Жабко Елена Дмитриевна, заместитель генерального директора по информационным ресурсам Президентской библиотеки
им. Б. Н. Ельцина, доктор педагогических наук

Леликова Наталья Константиновна, заведующая отделом библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки,
доктор исторических наук

Лихоманов Антон Владимирович, заведующий сектором фондов Российской национальной библиотеки, кандидат исторических наук

Михеева Галина Васильевна, ведущий научный сотрудник отдела истории библиотечного дела Российской национальной библиотеки, доктор педагогических наук

Николаев Николай Фикторович, заведующий отделом редких книг Российской национальной библиотеки,
доктор филологических наук

Соколов Аркадий Васильевич, доктор педагогических наук, профессор

Соколова Наталья Фикторовна, директор Института корпоративных библиотечных информационных систем,
кандидат технических наук

Черняк Мария Александровна, профессор кафедры новейшей русской литературы Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена, доктор филологических наук

Колесникова Марина Николаевна, заведующая кафедрой библиотекосведения и теории чтения СПбГУ,
доктор педагогических наук, профессор

*Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!*

*Это — звоны ледохода
На торжественной реке,
Перекличка парохода
С пароходом вдалеке.*

*Это — древний сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.*

Александр Блок

